

ИСКУССТВО

5 МАЙ
1985

Берлин. 1.V. 45г. Победа!

Фото М. Редкина

ПОМНИ!
40
 ЛЕТ НАЗАД

Берлин. 3.V. 45г. Капитуляция. Фото М. Редкина

ИСКОРКА

5 МАЙ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
„Ленинские
искры“,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Михаил ДУДИН

* * *

Своею кроной выше звёзд
Шумит, ликуя, жизни древо.
А как оно в годину гнева
Тряслось, в дыму горящих гнёзд.

Огонь — в крови, и кровь — в железе;
Менялось времени лицо.
Но и моей судьбы кольцо
У древа жизни есть на срезе.

Рис. Л. Коломейцевой

*Радий
Погодин*

ВЕСНЮЙ СОРОК ПЯТОГО

Конец апреля сорок пятого.

Мне девятнадцать лет.

Победа надвигается всеопалющим солнцем.

В этом рассказе я позволю себе заменить своё имя на имя Васьки Егорова. На фронте меня звали по-всякому: и Васька, и Лёнька, и Начальник Штаба, и Акробат, и Нормандец. Только не звали Радием, Радий — имя для войны неудобное.

Итак...

Васька Егоров догонял свой полк.

Сквозь завалы из сожжённых автомашин, танков, мешков с песком, искалеченных пушек Россия валила на Берлин.

На шоссе было тесно. Россия смеялась и пела, жевала хлеб с колбасой. А солдатские кухни, не надеясь отыскать свою часть даже к ужину, останавливались в пригородах.

Повара кричали:

— Геры, фрау, фройлен, киндер, идите ессен!

И к ним тут же выстраивались очереди сморённых бессонницей граждан.

Земля к Берлину стала рыжее, песок зернистее.

В шесть часов утра, когда Васькин полк уже соединился с танковыми бригадами своего третьего корпуса и расположился в сквере в Моабите позавтракать, а гул в центре Берлина превратился в слитный чудовищный рёв — начался артналёт на зажатые в Тиргартене и прилегающих к нему развалинах остатки берлинского гарнизона, — Васька к этому часу очутился в Шарлоттенбурге, районе аристократическом. От Шпрее женщины несли воду в разноцветных эмалированных вёдрах. А в окнах домов, на балконах вывешены были белые флаги. Они висели в безветрии, и видно было, что сшиты они добротнo, не на скорую руку.

И, может, добрался бы Васька до своего полка без больших приключений, не попадись по дороге велосипед. Велосипед стоял, прислонённый к стене. Сверкал никелированными крыльями и большим звонком.

Васька вскочил на велосипед и крикнул непонятно кому:

— Вперёд, орлы! Я к рейхстагу смотаюсь. Тоже пальну разок. Ни кому — ни гу-гу. Я поспею.

...Чем ближе к центру, тем всё больше становилось развалин. Были они всё страшнее и безнадежнее. Васька ехал по следам самоходки,

Четыре года из месяца в месяц вёл наш журнал рубрику-хронику, посвящённую сорокалетию Победы. Вместе с журналом прошли наши читатели по дорогам войны: они видели, как боролся Брест, как отстояли Москву и разгромили врага под Сталинградом, как жил блокадный Ленинград, как брали Севастополь и гнали фашистов с нашей территории... Читатели побывали в освобождённых Белграде, Будапеште, Варшаве...

И вот теперь — Берлин. 9 мая — День Победы!

Но в сегодняшнем номере «Искорки» мы будем говорить не только о майских событиях сорок пятого. Мы даже не будем выстраивать наши материалы в хронологическом порядке, потому что каждый день войны, каким бы он ни был, работал на нашу Победу.

С большой радостью предоставили мы страницы журнала ветеранам — участникам Великой Отечественной войны: разведчику Радию Погодину, пехотинцу Герману Гоппе, командиру пулемётного взвода Павлу Булушеву, зенитчику Ризе Халиду, политруку Ивану Виноградову, военному переводчику Даниилу Алю, корреспондентам военных газет Михаилу Дудину, Анатолию Чепурову, Георгию Холопову...

Немало материалов в сегодняшнем номере о детях, — война никогда не обходит их стороной; и о замечательном нашем городе — бесстрашном Ленинграде.

Отгремели салюты в честь сорокалетия Победы, но не исчезнет тема Великой Отечественной войны со страниц нашего журнала, как никогда не уйдёт из памяти величие подвига нашего народа, разгромившего фашизм.

пока не упёрся в неё. Самоходка ещё горела, а впереди, перегораживая улицу, стоял «тигр» с развороченным боком. Из дыры валил вниз густой чёрный дым.

Васька обошёл танк по кирпичной осыпи. Теперь дорогу ему перегораживала толстостенная, богато украшенная архитектура. Васька через окно пролез внутрь здания. Пустая коробка с пятнами от портретов на стенах. Пустые оконные проёмы смотрели в небо слепо. Руина эта тоже кое-где дымилась, и горящие её участки казались живыми.

Велосипед Васька нёс уже на плече. Наверное, одежда — комбинезон, отсутствие погон и пилотки, — нелепый велосипед и начавшийся артналёт спасли его, ибо пробирался Васька по кварталу, ещё обороняемому немцами, но этого он пока ещё не знал.

Васька вышел в Тиргартен прямо на колонну Победы и стал пережидать артналёт в окопе.

Окрашенная красной пылью колонна казалась ярмарочной, Бисмарковы победы — ненастоящими, а вдоль аллеи Побед застыли в муках высокородного чванства прусские и бранденбургские государи, и выглядели они на этой пустоши в центре Европы настолько чудно, что, хоть и были на них роскошные бронзовые одеяния, казались они голыми.

— А вот не надо стоять толпой, — сказал Васька. — Стояли бы поодиночке на площадях и в скверах.

На дубах с изрешечённой снарядами кроной висели красные полотнища. «Параюты, — отметил про себя Васька. — Боезапас сбрасывали...» И тут с холодом вдоль спины понял, что в соседнем с ним окопе сидят немцы.

Привыкший вскакивать на ноги после артподготовки как раз в ту минуту, когда у других ещё не прошло оцепенение, когда память взрывов ещё гудит в черепах, как сами взрывы, мешая осознать тишину, Васька вырвался на асфальт аллеи, вскочил на велосипед и, пригнувшись к рулю, погнался к Бранденбургским воротам, виляя между воронками, трупами, брошенным оружием, ранцами, касками...

В чёрных бойницах дотов вслед Ваське поворачивались стволы пулемётов.

Слева от аллеи Васька увидел рейхстаг. Стекланный купол, растущёванный дымом и пылью, сливался с небом, как некая паутина. Как паук, стоял перед куполом император.

И тут Васька почувствовал, что по нему уже стреляют. Он соскочил с велосипеда и побежал под деревьями, пригибаясь.

Королевскую площадь отделял от парка ров, заполненный водой. Васька побежал вдоль рва, и ему повезло — он наткнулся на переброшенную через ров трубу. Сквозь трубу можно было проползти на четвереньках, но без велосипеда. Но Васька вскочил на трубу, опять взвалил велосипед на плечо и побежал над красной водой.

Стреляли по нему уже неистово. Но есть у разведчика какой-то особый бог — Васька упал в песок уже на том берегу рва и пополз.

И тут он увидел свою пехоту, в шинелях и касках.

— Привет, славяне, — сказал. — Я с вами.

Один вид пехоты успокаивает и утешает, как мама.

— Сейчас пойдём, — ответили ему.

...От рейхстага, от пушки, опрокинутой у самой лестницы, взвилась в небо осыпающаяся розовыми искрами ракета.

Пехота поднялась и с криком «ура!» побежала. В спину у пехоты вид нестрашный, но пехота — последний приговор на войне.

Когда подбежали ближе к рейхстагу, Васька задрал голову, и купол его показался ему синим. Конь императора вроде бы встал на дыбы. Но всё уже было кончено. Под пулемётным огнём пехота взбиралась по каменной лестнице, пролезала внутрь, в вестибюль сквозь выломанные артиллерией окна.

Солдаты дрались лицо в лицо. Стреляли грудь в грудь. Отскакивали за статуи. Строгие лица статуй мерцали: то рвались, крошили мрамор гранаты.

Солдаты падали, вскакивали и бежали вперёд, туда, куда назначил себе каждый: одни — к мраморной лестнице на второй этаж, другие — в коридоры и комнаты первого этажа.

Такой бой был за всю войну один. Васька это отчётливо понимал.

Он всходил по центральной лестнице со своим никелированным велосипедом.

— Бросай ты велосипед! — кричала Ваське пехота. — На кой он тебе в рейхстаге?

Но в Ваське уже заработал механизм времени и затрещал, как будильник: «Пора. Пора...»

— Даваните тут за меня, — сказал Васька. Он швырнул гранату, дал очередь из автомата по какой-то высунувшейся из-за перил башке, шлёпнул ладошкой какую-то статую по мраморному заду и ушёл в окно.

Потом скатил велосипед по выщербленным ступеням, вскочил в седло и, не оглядываясь — пехота своё дело знает, — помчал в улицу, где виднелись наши тяжёлые танки.

— Пехота в здание вошла? — спросили танкисты.

— Вошла, — сказал Васька. — Хлопните по верхам.

...В Моабите, в скверике, Васькиного полка уже не было. Васька погнал к реке.

Полк он догнал на мосту. Васькин водитель Саша притормозил. Сзади гудели. Ругались. Васькин экипаж дружно орал и размахивал руками.

Васька был в красной пыли и в копоти. Комбинезон на плече разорван. Волосы на виске спеклись от огня. И они его простили.

Васька схватился за броню, уже когда падал. Подхваченный ребятами, подтягиваясь, он видел, как его велосипед, подпрыгивая, катит по зелёному дерновому откосу к реке прямо на женщину с жёлтыми, почти оранжевыми вёдрами. Женщина уклонилась, и велосипед влетел в реку, весь в брызгах...

...Пушкарки суетились, пытались завести свой тягач «додж три четверти», но он не заводился. Васькин водитель Саша пошёл им помочь — механик он был первоклассный. Микола и Серёга решили спуститься в метро. Васька советовал им загорать, как люди, и не лазать в незнакомое подземелье. А они возмущались:

— Мало ли! Может, мы стоим тут на солнышке, а они прут. Выйдут на нас ротой, и что? И всё,

Вася. Не дожил герой до победы. Поленился в разведку сходить разведчик.

— Ну идите, — сказал Васька. — Только не отходите далеко. Оглянитесь чуток и наверх. Скоро поедем.

На перекрёстке, ударяясь в брусчатку, визжали болванки. Танки и самоходки на перекрёстке вели бой. А в сквере, между одинаковыми домами, отделанными под нешлифованный гранит, с крышами в башенках и шатрах, несмотря на бой копали колодец. Два немца-старика по очереди спускались по стремянке на дно ямы, нагружали большое ведро тяжёлой землёй. Четыре женщины, по две за раз, ведро поднимали и относили в сторонку к небольшой вазе белого мрамора.

У Васьки было движение помочь им, но женщины, нёсшие вёдра, посмотрели на него не то чтобы зло, но как-то неодобрительно. И Васька тоже пошёл к метро.

У входа в метро стояли пареньки-фолькштурмовцы — Микола и Серёга нашли их на тёмном пустом перроне. Их высоко подпоясанные шинели странным образом напоминали подшитые взрослые валенки на мальчишеских тонких ногах. Тяжёлые суконные пилотки осели глубоко, оттопырив парням вялые уши. Один солдатик был в засаленном танковом шлеме.

Стояли они тесно, смотрели исподлобья, некоторые, опережая Васькин взгляд, отворачивались.

Два снаряда подряд ухнули в дом напротив — запорошили всех штукатуркой. Кусок кирпича сбил солдатiku танковый шлем. Солдатик присел, взвизгнув, — на плечи ему упали светло-русые волосы, с пепельным оттенком.

Солдатик-фолькштурмовец оказался девушкой.

Васька закричал, почему-то всерьёз разозлившись:

— Ты, Жанна д'Арк сопливая! Сидела бы в подвале тихо.

Микола подошёл к девчонке, потрогал её волосы пальцами — дев-

чонка ударила его по руке и кинулась к своим парням. Но они стояли, потупившись, как бы делали от неё шаг в сторону.

А Серёга насвистывал — такой музыкальный.

Васька огляделся, отцепил от ремня гранату, выдернул чеку. Фолькштурмовцы бросились на землю. Девушка закрыла глаза руками.

— Салажня, — сказал Серёга,

прекратив свистать. — Не будет он вас гранатой глушить. Ауф штеен! — закричал он. — Гитлер капут.

Васька перешёл на другую сторону улицы и увидел магазин. В его голове родилась мысль. Даже не мысль, скорее — импульс. Дверь в магазин была закрыта тяжёлыми жалюзи, а жалюзи — заперты на замок у самого асфальта. Он подложил под замок гранату и отступил за пилон, поддерживающий портик над входной нишей.

Граната хлопнула. Мальчишки-фольксштурмовцы присели.

— И чего вы такие пугливые? В Польше ваша братва резвее была, — сказал Серёга и опять засвистал.

Васька подёргал искривлённые взрывом жалюзи. Крикнул:

— Ведите их сюда, пусть поработают.

Микола поднял жалюзи один. Старики и женщины, копавшие колодец, подошли к чугунной решётке сквера — посмотреть.

Дверь магазина пошла тяжело, словно её изнутри подпирал многопудный запах духов, нафталина и воска.

В залах было сумеречно и золотисто. Оттенок этот золотой был присущ всему. Сверкали свечным пламенем напольные бронзовые канделябры. Золотыми блесками над головами вихрились люстры. Солнце входило в этот раззолоченный «модахауз» сквозь жалюзи: казалось, от каждого окна к прилавкам были наклонно натянуты пучки жёлтых лент.

Васька взял девушку за руку и потянул. Она упиралась и поглядывала на пареньков.

— И вы, генералы, за мной, — сказал Васька.

— Гитлер капут, — испуганно прошептал бледный паренёк с конъюнктивитными глазами.

Девушка перестала упираться, пошла через улицу, но у самых дверей магазина как бы споткнулась.

Когда Васька легонько втолкнул её в магазин, она задохнулась вроде.

Многолетний, пропитавший стены и мебель запах духов и натёртого паркета напугал её.

Васька легонько подтолкнул девочку к прилавку с бельём.

— Выбирай, — сказал он.

Девчонка попятилась, заслонила руками.

Васька снял с полки белую лёгкую комбинацию и, краснея и фыркающая и глядя в пол, кинул ей.

Девчонка засмеялась вдруг не робея. Мальчишки-фольксштурмовцы фыркнули тоже.

Васька покраснел ещё гуще. Наверное, эти, не имеющие отношения к военным расчётам, предметы и Васькин яркий конфуз объяснили им в какой-то мере сущность происходящего.

Теперь глаза у мальчишек-фольксштурмовцев светились любопытством не только к своей судьбе, но и к предлагаемым обстоятельствам тоже.

Васька снял с вешалки платье небесно-голубое, показавшееся ему очень красивым. Приложил девочке к груди, прикрыв им провонявшую в дезинфекционной пропарке шинель.

— Зер гут, — сказал он.

Девушка взяла у него платье, засунула комком на полку и не спеша выбрала то, что, по-видимому, было ей впору.

Платье она выбрала зелёное. Посмотрев с усмешкой на Ваську, Миколу, Серёгу, на своих товарищей, девчонка вошла в примерочную, сверкнувшую зеркалами, и задрнула занавеску.

Серёга свистел мотивчик. Микола скрёб щеку. На мальчишек-фольксштурмовцев снова напала робость. В магазин вошёл солдат-артиллерист, посмотрел на всех без особого интереса.

И тут девушка вышла...

Она стояла на фоне золотистого бархата, хрупкая, как росток. Её волосы образовали вокруг головы ореол, какой бывает вокруг фонаря в дождь.

Васька опомнился первым, сорвал с вешалки малиновое пальто

бархатное и подал ей. Она опять засмеялась — пальто, как и то голубое платье, было на великаншу.

Она выбрала габардиновый плащ с лёгким зеленоватым отливом.

Микола дал ей перчатки белые. Серёга — сумочку. Кто-то из мальчишек-фольксштурмовцев сунул туда пудреницу и носовой платок.

Вслед за ней они вышли на улицу.

Васька легонько тронул её за плечо. Для него она была уже в другом мире — в мире надежд.

— Цум муттер... — сказал он ей. — К маме иди!

— Бывай, — кивнул ей Микола.

А Серёга сказал с поклоном:

— Ауф видерзееен.

Она провела руками в белых перчатках по вдруг побелевшим щекам и пошла.

Сначала она жалась к стенам.

Старики и женщины, копавшие колодец, ей что-то прокричали, и она, осмелев, пошла по середине тротуара.

Шаг её стал лёгким и твёрдым.

Рис. Ю. Бочкарёва

Анатолий ЧЕПУРОВ

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

День хороших людей у меня,
Неожиданный,
С духом зелёным.
В окна
Светится небо,
Маня
К невским яхтам,
Стареющим клёнам.
День хороших людей...
Тыщу лет
Не встречал
Своего капитана,
Что вручал мне
Партийный билет
Под осенним навесом тумана.
Распрощались —
И сразу другой
Мой дружок,
И суровый и нежный,
Что работать
На общий покой
Послан Родиной
В край зарубежный.
Следом — новый.

Лучисто горит
От загара,
От моря, от сада.
— В чём тебе подсобить? —
Говорит. —
Не таись,
Не стесняйся,
Коль надо... —
Не хочу,
Чтоб меня берегли,
Как хрустальную вазу.
Но может,
 Попрошу,
Чтоб в беде помогли,
И уверен,
Что каждый поможет.
Греет солнце траву,
Синеву
Проколов
Золотыми гвоздями...
Днём Хороших Людей
Назову
Этот день,
Населённый друзьями.

Рис. Л. Уральской

Победы звёздный час

Можно долго объяснять, что такое настоящий репортёр, а можно коротко сказать: «Редькин». Имя этого вездесущего фотокорреспондента давно обросло легендами, хотя сам он считает, что его жизнь интересна как раз правдивыми историями. Общее в них то, что он всегда поспевал за важнейшими событиями или даже опережал их. Думаете, преувеличиваю?

Тогда послушайте.

В самый разгар боёв на берлинском направлении, когда до гитлеровского логова оставалось ещё около ста самых тяжёлых, самых кровопролитных километров, Марк Степанович Редькин поразил своих друзей необычайной, пророческой телеграммой: корреспонденты и кинооператоры трёх фронтов, развивавших наступление на Берлин, специальной депешей были приглашены капитаном Редькиным «5 мая в 13.00 по московскому времени к южной стороне рейхстага для фотографирования на память».

Всё произошло так, как было задумано. Об этом напоминает фотография, которую он повесил как реликвию над своим письменным столом. На фоне мрачных развалин рейхстага плечом к плечу снялись дружной боевой группой летописцы Великой Отечественной войны. Улыбкой озарены усталые молодые лица военков Всеволода Вишневского и Евгения Габриловича, режиссёра-кинодокументалиста Романа Кармена, фотокорреспондентов

На рейхстаге. 1 мая 1945 года.

Ивана Шагина, Георгия Петрусова... На переднем плане присел на корточки офицер в лётной форме с фотоаппаратом на груди.

— Таким был я в ту победную весну. Мне тридцать семь, и большая часть жизни, как выяснилось, ещё впереди,— рассказывает Марк Степанович.— Спустя тридцать лет в тот же день и час мы повторили нашу встречу, но теперь уже— на Кутузовском проспекте столицы, у арки Победы. Шофёр-фронтвик с автозавода имени Лихачёва по нашей просьбе доставил сюда ЗИС-5, «грузовичок-фронтвичок», как мы его называли. Собрались все, кто жив, пришли, к нашей радости, и те, кто в сорок пятом к 13.00 не поспел. «Товарищ майор! Полковник Симонов по вашему приказанию прибыл»,— под общий хохот шутиливо доложил мне автор романа «Солдатами не рождаются», мой хороший товарищ военных и мирных лет. С ним на фронте мы не раз бывали в переделках...

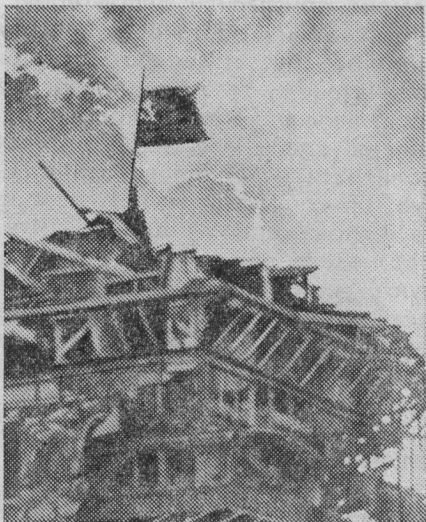
Да, солдатами не рождаются. Ими становятся. На грязных, разбитых бомбами и снарядами, раздолотых танковыми траками дорогах войны постигал солдатскую науку фотокорреспондент еженедельника «Фронтальная иллюстрация» Марк Редькин. Он снимал бои за Кавказ

и небывалую по размаху танковых сражений Курско-Орловскую битву, освобождение Севастополя и разорённые сёла Смоленщины, где торчали среди пепелищ лишь уцелевшие печные трубы. Первым из фотокорреспондентов он запечатлел узников Освенцима — и эти страшные снимки из фашистского лагеря смерти стали ещё одним обвинительным документом на Нюрнбергском процессе, где судили гитлеровских преступников.

Долгим и немыслимо трудным был этот путь, начавшийся в первый день войны под Ленинградом: Редькин приехал в Н-скую часть делать фоторепортаж об учениях, а снял настоящую боевую тревогу. Но сегодня наш рассказ — о Победе, и ветерану вспомнился снимок, который можно назвать олицетворением последнего дня Великой Отечественной.

— Этот кадр мне посчастливилось найти вдали от всеобщего ликования, с западной стороны догравшего рейхстага, — вспоминает Марк Степанович. — На камнях, предназначенных для баррикады, увидел я немецкого ефрейтора. Война пощадила его, и руки и ноги

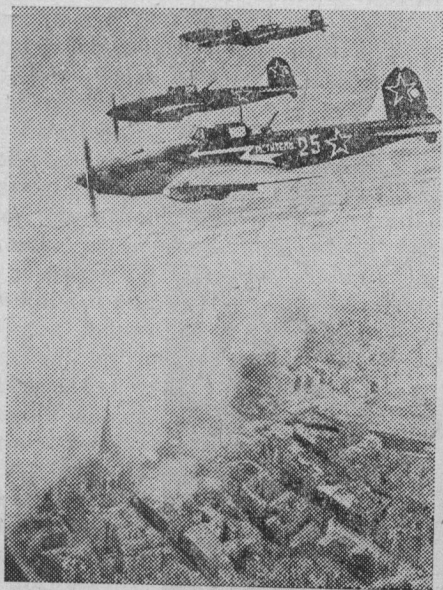

Флаг Победы. 1 мая 1945 года.

остались целы, но потерянный вид незадачливого вояки красноречивей всяких слов говорил о той трагедии, которую пережили миллионы его соотечественников, обманутых Гитлером. Я щёлкнул затвором «лейки», а немец — каблуками. Дрожащей рукой он взял протянутую мной папиросу, сделал несколько жадных затяжек. «Эндэ, герр офицер», — хрипло сказал ефрейтор, поднявшийся наверх из бункера имперской канцелярии. Снимок свой я так и назвал — «Эндэ», что по-русски означает — «Конец».

Во всех деталях запомнился ему на редкость длинный день — 8 мая 1945 года. Срочный вызов на аэродром Темпельгоф. Один за другим приземляются самолёты с делегациями союзников. В стороне от основной полосы садится «дуглас». Редькин опрометью мчится к нему. Так и есть! Это — немецкая делегация. Фельдмаршал Кейтель с каменным лицом и непоколебимым прусским величием делает приседания, разминаясь после перелёта.

— Я ещё не знал тогда, что спустя несколько часов Кейтель вынудит меня выйти за рамки дипломатической вежливости, — улыбается мой собеседник. — А получилось вот что. Когда в зал, где сидели де-

Штурмовики над Берлином. 28 апреля 1945 года.

легации, пригласили репортёров, я, мигом оценив обстановку, обратил внимание на отдельно стоящий стол — почему-то мне показалось, что главные события произойдут именно здесь. Решил устроиться поблизости и «оседлал» свободный стул, приспособив спинку как штатив фотокамеры. Маршал Жуков предлагает ввести в зал германскую делегацию. И вот входит Кейтель со свитой. Безукоризненный пробор, железные кресты, перчатки... Салютует на три стороны маршалским жезлом, вставляет в левый глаз монокль и, сев за отдельный стол, кладёт рядом с собой фуражку. Как тут было не чертыхнуться?! Руки-то у него оказались закрытыми от моего объектива. Мешкать было некогда. Взял я фуражку и положил себе на колени. Фельдмаршал метнул в мою сторону уничтожающий взгляд и положил своё имущество на прежнее место. Ну, думаю, где наша не пропадала! И положил я его фуражку на пол. Кейтель побагровел от ярости, монокль его повис на шнурке. Ага, смекнул я, цвет лица изменил-

ся — и открыл немного диафрагму, чтобы недодержки не было. Растеряйся я тогда, оробей — провалил бы историческую съёмку. Но когда репортёр нацелен на задачу, никаких страхов для него, видимо, не существует.

В профессиональных делах отваги Редькину было не занимать. Об этом напоминают не только снимки, сделанные на линии огня, но и шрамы осколочных ранений на руке, на шее... Лётчики охотно брали его, вылетая на боевое задание. Первая такая съёмка едва не закончилась катастрофой. В районе Ленинграда самолёт был подбит, не дотянул до аэродрома... Очнулся корреспондент уже в госпитале. Тяжелейшая контузия, частичная потеря зрения надолго вывели его из строя. А вот последний боевой вылет — на штурм Берлина — прошёл «без сучка, без задоринки». Попали в кадр и группа «летающих танков», и кварталы фашистской столицы, над которой пробил час возмездия. Прошло ещё несколько дней, и тем же маршрутом, которым бойцы поднимали на рейхстаг

Endel Конец! 5 мая 1945 года.

Берлин. Карлхорст. Кейтель подписывает безоговорочную капитуляцию.
8 мая 1945 года.

Знамя Победы, он взобрался на разрушенный купол, чтобы пережить, быть может, одну из самых счастливых минут в своей жизни. Позади была великая война — её он прошёл от первого до последнего часа.

С героями своих военных снимков встречается он и в мирные дни. По всей стране разыскивает их, прослеживает человеческие судьбы. Есть у Редькина знаменитая фотография — «Победа!»: группа ликующих танкистов на ещё не остывшей от боя броне, а на заднем плане — увенчанная крылатой богиней имперская колонна всех побед Германии. Несколько лет назад приехал Марк Степанович в город, где в военные годы формировался 96-й танкосамоходный полк. Подняли список личного состава части, разослали сотни запросов. Шестеро ветеранов откликнулись — со Смоленщины, из Татарии, Белоруссии, Ленинградской области.

А регулировщицу Таню, которую победной весной корреспондент сфотографировал на берлинском направлении, он разыскал недавно в Боровичах — райцентре Новгородской области. До начала смены приехал он к ней в пекарню, повесил в проходной огромный снимок

сорок пятого года. Татьяна Александровна Артемьева, лучший мастер участка баранок, как вошла, так и ахнула: такая встреча с собственной боевой юностью дорого стоит! И сделал Редькин шуточный семейный портрет. Хозяйка дома регулирует — и внуки идут в школу, а муж отправляется на машине в очередной рейс...

— Фотографии военных лет продолжают свою жизнь, с годами открываются нам какой-то новой стороной, — размышляет Марк Степанович. — Они вошли в мою книгу «Избранные фотографии», их подарил я историческому музею моего родного города — Астрахани, а недавно отправил в США на международную выставку, посвящённую 40-летию Победы.

Снимки эти не просто показывают тяжкий труд войны, героизм нашего солдата. Они призывают к тому, чтобы никогда больше мир не содрогнулся от такой беды.

Фоторепортёру Марку Редькину и в семьдесят лет не сидится на месте. И потому эпиграфом к своей персональной выставке он поставил слова из известной песни журналистов: «Если б снова начать, я бы выбрал опять бесконечные хлопоты эти».

Замечательная поэзия Ольги Берггольц известна каждому. В блокадном Ленинграде её стихи были сильнейшим оружием в борьбе с врагом, и в великом Дне Победы нашего народа Ольге Берггольц принадлежит особое место.

Но мало кто знает, что в последние перед войной годы О. Берггольц написала несколько прозаических произведений для детей: повесть «Мечта», рассказы «Витя Маманин», «Подарок», «Лучший друг».

Пристально, внимательно следила писательница за делами своих младших современников, всматривалась в их характеры.

Больше всего её интересовало: воспитывают ли в себе мальчики и девочки самые главные человеческие качества — доброту, душевную стойкость, подлинное товарищество; не расходятся ли у них слова с делами, внешний вид с внутренним обликом; распознают ли благородство подлинное и мнимое; умеют ли они найти, угадать, не потерять настоящего друга. Словом, умеют ли ребята растить в себе человека!

«Рассказ об одной звезде», который мы предлагаем вам прочесть в этом номере, был написан — заметьте это! — в мае 1941 года. Он тоже — о внутренней отваге, о преданности, о верности своему слову и своему чувству. И вот что особенно знаменательно: ведь те мальчики и девочки, о которых здесь пишется, через месяц встретили войну; где бы они ни находились, они оказались её участниками. Мужественное и достойное поведение юных граждан нашей страны стало лучшим доказательством их человеческой зрелости.

Рассказ находился в архиве М. Ф. Берггольц, и его публикацию мы посвящаем 40-летию Победы и 75-летию со дня рождения Ольги Берггольц.

Е. Путилова

Серёжа Смирнов и Валя Славина сидели в саду на скамеечке и рыли дорожку ногами. Они делали это потому, что оба были очень взволнованы.

Серёжа только что сказал Вале ту самую фразу, которую твердил про себя всю зиму:

— Знаешь, Валя, мне кажется, что у нас с тобой больше, чем дружба.

Валя испуганно взглянула на Серёжу и ответила твёрдо:

— Знаешь что? Я давно это заметила. Больше...

И вот, сказав это, они целых пять минут сидели молча и подкидывали гравий носками ботинок так усердно, что около лавочек образовались две довольно глубокие ямки. А в саду тревожно пахло весенней землёй, сырыми деревьями, дымом. В глубине сада жгли костры из прошлогодних листьев, огня было не видно, толькоплыли медленные облачка дыма. Вечер был синим-синим,

как на сцене, и в небе вдруг вспыхнули светлые, умывшиеся звёзды.

— «Редееет облаков летучая гряда», — сказал Серёжа. — Звезда печальная, вечерняя звезда. Твой луч осеребрил увядшие равнины...»

— Ой, как хорошо! — воскликнула Валя.

Серёжу внезапно осенила чудесная мысль.

— Знаешь что, Валя, — сказал он, — давай каждый вечер смотреть на одну и ту же звезду. И когда будем смотреть, будем думать о... ну, друг о друге, да?

— Давай, — подхватила Валя. — На какую только?

— Ну... вон на ту... которая над трубой. Видишь — труба на крыше? Она нравится тебе?

— Труба?

— Да нет же, звезда, которая над трубой. Которую я выбрал. Видишь?

— А... Да-да... Вижу. Очень нравится. Она на семафорик похожа. Зелёная. А как она называется?

Серёжа замялся. Он кое-что читал по астрономии, но в небе разбирался плохо. Однако ему не хотелось показывать этого перед Вале.

— Как называется? Кажется, Лилана. Или нет — Венера. Сейчас не вспомнить сразу. Но вечером я посмотрю в книжке. Знаешь, у меня есть книжка. «Астрономия» Фламариона. Это очень старая книжка. Понимаешь, в ней даже написано, что будто бы Земля остынет и все люди из-за этого перемрут. Ерунда, верно?

Но Валя поёжилась.

— Серёжа... а вдруг и в самом деле остынет? Что мы тогда будем делать?

— Чудачка. Так ведь тогда уже будет межпланетное сообщение. Ну, остынет. Ну, а мы моментально переселимся на другую планету, где теплее.

— Верно. Только на какую?

— Да на ту же самую нашу Венеру. Ух, знаешь, до чего там тепло! Теплей, чем в Артеке. Там и ветер тёплый, и дождь тёплый. А лесов там сколько! Ведь Венера потому и зелёная, что на ней — сплошные девственные леса.

— Грибов, наверно, много, — помечтала Валя.

— Ага. Только там грибы огромные, допотопные. Там всё — очень огромное и очень яркое. Листья и трава там так и светятся — зелёным-зелёным таким звёздным светом. Представляешь, Валя? Ужасно хотелось бы прокатиться туда...

— Ты замечательную звезду нам выбрал, Серёжа.

И ребята с новым удовольствием поглядывали на свою звезду. А звезда переливалась и вздрагивала — наверное, это под тёплым дождём и ветром шевелились и раскачивались её ярко-зелёные леса.

Любуясь звездой, Валя радовалась и думала, какой Серёжа молодец и как хорошо, что из всех девочек он хочет дружить только с нею. А Серёжа был горд, счастлив и мог сейчас выдумывать всё что угодно, но конечно, только красивое и смелое, потому что слушал его не кто-нибудь, а самая весёлая, самая умная девочка в классе. И она к тому же была беленькая и сероглазая.

— Хорошо!

Серёжа проводил Валу до дому и даже держал её под руку, не совсем, правда, а так, за локоть, но всё-таки, и, прощаясь у её калитки, ещё раз сказал:

— Валя, ты не забывай насчёт звезды... Она — вон над той трубой.

Валя молча и весело кивнула головой.

А через два дня, в субботу, когда группа ребят шла из драмкружка и Серёжа подошёл к Вале и тихонько взял её за локоть, долговязая Лёля Громова лукаво метнула в них глазами, скорчила постную рожу и томно протянула:

— Ах, девочки, ах, милые... Ах, до чего я люблю смотреть каждый вечер на одну звезду...

— Ах, на какую же это? — в тон ей подхватила подруга Тося Солина. Лёлька закатила глаза:

— М-м... ах, на ту, которая над трубой, — и, не выдержав, захохотала, как филин.

— Лёля! — в ужасе закричала Валя.

А Серёжа выхватил руку из-под Валиного локтя и ринулся вперёд, прямо по холодным лужам.

— Смирнов! Ты что? Куда? — хоча, кричала Лёлька. — В чём дело, Смирнов?

— Серёжа! Серёжа! — отчаянно зывала Валя. — Лёля, как не стыдно?! Серёжа!..

Но Серёжа бежал, не оборачиваясь, сжав кулаки.

Он примчался домой красный, потный и с размаху плюхнулся на диван, лицом в подушку.

— Подлая, — бормотал он в подушку. — Болтушка! Воображалка! Дрянь!.. Всё разболтала, выставила меня дураком, высмеяла. И перед кем? Перед этой дылда Громовой, перед Солиной, перед Лапиной...

Серёжа не знал, что Валя вовсе не высмеивала его, а просто поделилась с подругами своей тайной. Да и то не со всеми, а только с Лёлей Громовой, потому что Лёля была лучшей физкультурницей и Валя её уважала. И с Ниной Лапиной, потому что Нина была очень серьёзная и принципиальная, и Вале был нужен её совет... Ну, и ещё с двумя подругами по драмкружку — и только.

Тося Солина, например, ничего не знала, а просто так подыгрывала Лёльке. Правда, Валя совершенно забыла, что у Лёли Громовой был зуб против Серёжи ещё с пятого класса — Лёля тогда была влюблена в него, а Серёжа не обращал на неё внимания. Ни малейшего. И Лёля просто не удержалась — поддела Серёжку. Никак не ожидала, что получится такая история.

Серёжа не знал также, что когда он убежал, Валя села на первую попавшуюся тумбу и заплакала, а дылда Лёля Громовая просила у Вали извинения и обещала всё поправить.

Серёже было совершенно всё равно, что переживает Валя.

— Ничего, ничего, гражданка Славина, — бормотал он в подушку, и ему было очень приятно обращаться к Вале так, как будто он был милиционером. — Ничего, гражданка Славина, мы придумаем что-нибудь такое, чтоб вы не воображали. Мы придумаем...

И он придумал.

В понедельник утром Серёжа пришёл в школу очень независимый, очень деловой и тотчас же, ещё до

ПРОЧИ ЭТУ КНИГУ

В Ленинграде много замечательных памятников Великой Отечественной войне, но этот нам дорог особенно. Он стоит в центре города, в детском парке, построен на средства, заработанные пионерами и комсомольцами на Коммунистических субботниках, и посвящён юным героям, которые отдали свою жизнь за Родину, за Ленинград. У памятника нет официального названия, но все, не сговариваясь, зовут его «Орлята». Он был открыт в 1962 году.

А в том же 1962 году в издательстве «Детская литература» в Ленинграде вышла первым изданием книга рассказов о пионерах-героях, она тоже называлась «Орлята» и тоже была памятником — ленинградские детские писатели рассказывали о подвигах юных антифашистов.

...В чердачное окошко Лиде были видны подошедшие танки. Сначала она подумала, что они фашистские, но потом поняла, что это — наши. «Надо во что бы то ни стало предупредить танкистов, — решила Лида, — иначе они попадут в засаду...» Фашисты не ожидали нападения. Увидев перед собой тяжёлые гусеницы, они повскакали и бросились врассыпную. Но было уже поздно...

Это из рассказа Ильи Туричина о Лиде Матвеевой.

...Выстрелы стали реже. Саша понял, что немцы окружают его. Они действовали осторожно, расчётливо. Кольцо скоро должно было замкнуться. Ещё можно было попытаться уйти, но он продолжал отстреливаться, он знал, как дорога для отступающего партизанского отряда каждая минута...

уроков, собрал в конце коридора всех мальчиков шестого «А» класса. Это было нетрудно, так как мальчиков в шестом «А» классе было всего семь человек. Заметим, что они ничего не знали об отношениях Серёжи и Вали — Серёжа-то ни с кем не делился.

— Ребята, — выпалил Серёжа. — У меня превосходная идея. Мы организуем К. В. Х. Ну? Организовали?

— Организовали! — в восторге завопил Петя Свистунов. — Смеху будет! — Плотный и краснощёкий Петя Свистунов всегда был готов на всё что угодно, потому что от всего ожидал чего-то необыкновенно смешного.

Но Вилик Шмидт, очкастик и книжник, прозванный ребятами «Профессор Ни-бум-бум», возразил:

— Позволь, Смирнов. Мы, конечно, организуем. Но что такое — К. В. Х.?

Серёже ужасно хотелось помучить ребят догадками, но сил у него на это не хватило.

— К. В. Х. — это Клуб Весёлых Холостяков! — воскликнул он торжественно.

— Здорово! Я буду! — закричал Петя Свистунов и так расхохотался,

что остальные ребята тоже засмеялись.

Но очкастый Вилик даже не улыбнулся.

— Позволь, Смирнов, — сказал он, поправив очки. — А кто это такие — холостяки?

— Ага, не знаешь! — вскричал Серёжа. — Эх ты, «Профессор Ни-бум-бум»! Холостяки — это такие... ну, которые никогда не женятся. Вот и мы. Мы должны дать клятву, что никто из нас не женится.

— Позволь, — не унимался Вилик, с изумлением обводя ребят глазами. — А разве кто-нибудь из наших ребят собирается жениться?

— Да нет, нет, — загалдели ребята. — Фу! Тьфу! Вот тоже! Что ты! Нет!

— Ну так зачем же нам в этом клясться?

— Ах, Вилька, да ведь это же просто так, чтобы серьёзней было. В Англии есть такие клубы, я же читал. Ну и мы тоже. Но это вовсе не главное. Главное — мы будем разыгрывать девчонок. Ведь они глупее нас, правда?

— Правда. Вот это — так правда, — подхватили ребята. И даже Вилик поддакнул.

— Ну так вот, — захлёбывался

Это из рассказа Бориса Никольского
о Саше Бородулине...

...Вот уже полтора года Галя выполняла поручения партизан и не вызывала

подозрения у немцев. Да и кто мог подумать, что эта робкая голубоглазая девочка была связной! А она не только доставляла партизанам нужные сведения, но и писала листовки, разбрасывала их ночью в посёлке...

Это из рассказа Антонины Голубевой о Гале Комлевой...

Есть в сборнике рассказы и о юной партизанке Юте Бондаровской, и о юнге Олеге Ольховском, и о подпольщице Зине Портновой, и о разведчике Жоре Антоненко...

Сборник «Орлята» несколько раз переиздавался. Совсем недавно он вышел в Лениздате в «Библиотеке юного ленинца».

Серёжа. — Каждый их глупый поступок мы будем предавать осмеянию. Если кому-нибудь из нас какая-нибудь девчонка пришлёт записочку — мы будем её коллективно читать и тоже предавать осмеянию. И вообще — никаких дел с девчонками, а разыгрывать их всюю. Только надо, чтобы они ничего-ничего не знали. Так смешнее — понимаете? Ни звука о К. В. Х.

— Верно! — хохотал Петя. — Чинно!

— Председателем буду я, — горчился Серёжа. — Я уже и членские билеты вчера сделал. Я знал, что вы согласитесь. Вот они. Нате!

Билеты были роскошные — ярко-зелёные, с золотыми буквами «К. В. Х.». И не удивительно, что, получив их, мальчики шестого «А» сразу почувствовали себя настоящими закоренелыми холостяками. И работа Клуба началась немедленно, а именно: с таинственными физиономиями войдя в класс и взглянув на девочек, весёлые холостяки невольно фыркнули и разразились смехом.

Девочки удивлённо посмотрели на них и... улыбнулись сами. Они ведь ничего не знали. Мальчикам от этого стало ещё смешнее. Краснощёкий Петя Свистунов посинел от смеха, как испанская луковица, а востроносенький Миша Ивасев даже взвизгнул.

— Мальчики, что с вами? — крикнула страшно заинтересованная Лёля Громова. — Что случилось?

— Не отвечайте ничего, — шепнул Серёжа. — Только смейтесь. Смейтесь холодным холостяцким смехом.

Но мальчики и так хохотали всюю. Петя даже начал икать.

— Ну, чего это они? — недоумевали девочки. — Над чем это они? Может, они что-нибудь смешное видят? Валя, ты видишь что-нибудь смешное? Где? Что? Покажи!

Девочки глядели на потолок, на стены, даже под парты, конечно, ничего смешного нигде не видели. Некоторые неуверенно посмеивались сами, другие сердились, и всех разбирало любопытство.

— Да почему вы смеётесь, мальчишки? Почему, слышите?

— Вот почему, — не выдержал Петя и, ликуя, выхватил из кармана брюк зелёнький членский билет и потряс им в воздухе. — Вот почему. Вот что у нас теперь имеется.

— Спрячь! — рякнул Серёжа. — Ах, балда. Холостяки, садитесь за парты. Никаких объяснений. Только смех, смех и смех.

И действительно, в этот день смеху у мальчиков было больше, чем за все четверти вместе.

На первом уроке Серёжа получил две записочки — от Вали и от Лёли Громовой. «Серёжа, — торопливо писала Валя, — не сердись, я про всё, про всё, про всё объясню». «Серёжа, — писала Лёля, — действительно, я поступила плохо, посмеявшись над тем, что над трубой, извини, пожалуйста».

На переменке обе записочки были преданы коллективному осмеянию на летучем собрании клуба. Серёжа изобразил перед мальчиками полное недоумение.

— Ну, разве не глупость? — восклицал он. — Славина-то! «Про всё объясню». Подумаешь, какая Большая Советская Энциклопедия нашлась. А Громова-то. «Смеялась над тем, что над трубой». Воображаете? Стоит дылда Громова, глядит на трубу и смеётся. А я-то тут при чём?

Мальчики веселились безумно.

— Нет, они ужасно глупы, — ликовал Серёжа. — Это ужас, до чего мы умнее их! Как только мы этого раньше не замечали?!

А на большой переменке Петя Свистунов, хохоча и рдея, заявил, что с этого дня он больше не играет в классной волейбольной команде, потому что, мол, у него теперь дела поважнее найдутся, чем в бабьей команде играть (Петя был единственным мальчиком в команде и отлично забивал мячи). Востроносенький Миша язвительно сказал, что больше не нуждается в помощи Тоси Солиной по немецкому языку и что, хотя всем известно, что Солина даже сны на немецком языке видит, всё-таки он уж как-нибудь обойдётся.

ся без девчонки, — и так далее, и так далее...

Девочки только таращили глаза и разводили руками, и это тоже было препотешно.

В общем, весёлые холостяки, а в особенности Серёжа, ушли из школы очень довольные собой, а на другой день развлекались ещё больше.

Серёжа придумал «новый метод разговора с девочками». Увидев в его руках какую-то толстую книгу, Валя, не терявшая надежды помириться с ним, подошла и дружелюбно («как будто бы между нами ничего не было») спросила:

— Что это у тебя, Серёжа?

— Что-нибудь, — бросил Серёжа, не глядя на Валю.

Валя улыбнулась.

— Нет, серьёзно. Интересно?

— Как-нибудь...

— Ну, значит, интересно. Дашь почитать?

— Когда-нибудь...

— Серёжа... Да что это с тобой?

— Чего-нибудь...

Клуб Весёлых Холостяков дружно фыркнул. Валя поняла, что ее разыгрывают.

— Не остроумно! — крикнула она.

— Как-нибудь, — невозмутимо ответил Серёжа.

Валя отскочила, вся красная, и Серёжа заметил, что в глазах её блеснули слёзы. Серёжа был очень доволен этим. Он чувствовал себя ещё умней, чем вчера, он выдумывал всё новые трюки, и опять весь день среди мальчиков шло загадочное шушуканье, смех и тому подобное.

Но девочки шестого «А» класса были девочками боевыми и потому решили действовать сообща. После уроков они остались в классе и, чуть не плача от досады и любопытства, принялись обсуждать странное поведение мальчиков.

— Ой, девочки, девочки, ой, что это они?

— Ой, девочки, как обидно!

— Они просто как ненормальные все эти два дня, — разводила своими длинными руками Лёля Громова. — С чего это они?

— Серёжа — понятно с чего, —

сказала Нина Лапина и строго посмотрела на Валю. — Но остальные?

— Смирнов, наверное, их подговорил, — твёрдо ответила Валя, выдержав Нинин взгляд. — Они что-то придумали.

— Но что, девочки, что?

— Вот мы и должны додуматься, что, — сказала Валя, щурясь и покусывая губы.

— Ой, девочки, думайте, думайте...

— Девочки, ну что вы за ними заметили?..

— Девочки, вы заметили — они всё время хохочут?

— Это не главное, — сказала Валя, раздумывая. — А вы заметили, что Свистунов вчера выхватил из кармана какую-то зелёную книжечку и закричал: «Вот мы почему смеёмся», а Серёжа, то есть Смирнов, закричал: «Спрячь-спрячь...»

— Ой, заметили, заметили, заметили, — загалдели девочки.

— По-моему, всё дело в этой книжечке! — воскликнула Валя. — Я это ушла.

— Молодец, Валечка, верно, верно...

— Ой, девочки, милые, надо достать эту книжечку, надо, надо.

Валя вскочила на стул. Глаза её лукаво блестели.

— У кого есть деньги? Давайте их сюда. Все давайте.

— Валечка, зачем?

— На ириски.

— Кому? Кому на ириски?

— Свистку, Петькиному братишке, который учится в третьем классе. Полкило ирисок ему за книжечку хватит. Понятно?

— Не хватит! — в ужасе закричала Лёля Громова. — Он обжора. Я заметила это, когда в буфете дежурила. Он маленький, а толстый, как арбуз.

— Кило.

— Два кило. Против двух он не устоит. Он обжора.

Девочки завизжали и захлопали в ладоши.

— Не устоит, не устоит! Девочки, милые, побежим покупать ириски!

И девочки, стрекоча, как воробьи, гурьбой понеслись в магазин. На-

встречу им попались Серёжа и Петя Свистунов, но, не взглянув на них, девочки промчались мимо.

— Девочки, куда вы? — хотел крикнуть Серёжа, но, бросив взгляд на Петьку, прикусил язык. Он вспомнил, что они — члены Клуба Весёлых Холостяков и что по уставу им не полагается заговаривать с девочками.

Однако оба мальчика замедлили шаги и как бы нечаянно оглянулись.

— Интересно, куда это побежали наши девочки? — нарочно небрежно сказал Петя. — Что это у них за дела нашлись?

— А, какие-нибудь глупости, — ещё небрежней ответил Серёжа, радуясь, что Петя начал этот разговор. — Ну, какие у них могут быть дела, кроме глупых?!

Петя захохотал.

— Факт, я об этом и говорю... Сергей, а ты заметил, что они не позвали нас с собой? А? Даже не окликнули...

— Разве? — удивился Серёжа. — Не обратил внимания.

На самом деле Серёжа был просто потрясён этим. Как это — Валя, Валя Славина пробежала мимо него и не окликнула, не взглянула?! Серёжа заметался, затосковал, ему вдруг показалось, что он потерял что-то

очень важное — кейку или портфель, или новый ножичек... Нет, всё это оказалось на месте, и всё-таки что-то сию минуту потерялось, исчезло, пропало...

— Да-с, не позвали, — повторил ничего не подозревавший Петя. — А Славина что-то интересное рассказывала, и они все хохотали. Знаешь, Славина всё-таки... всё-таки... как бы это сказать? Не чрезмерная дура, что ли... Конечно, дура, но не такая уж, не чересчур... бывают хуже...

— Да ты что, влюбился в неё, что ли? — сердито спросил Серёжа.

Петя хохотал со смущением, но и с чрезвычайно довольным видом, точно был сильно польщён.

— Да нет, что ты, Сергей, это я просто так...

— Ты не забывай, Свистунов, что ты — член К. В. Х., — говорил Серёжа, краснея от ревности. — У нас, знаешь ли, дисциплина. Могут и исключить за нарушение устава.

— Да я не забываю, Сергей, это я просто так, потому... ну, потому что ты сам знаешь, Славина такая боевая, она нравится всем нашим ребятам, то есть я хотел сказать, правилась, пока мы не организовали всё это.

— А здорово организовали! Вер-

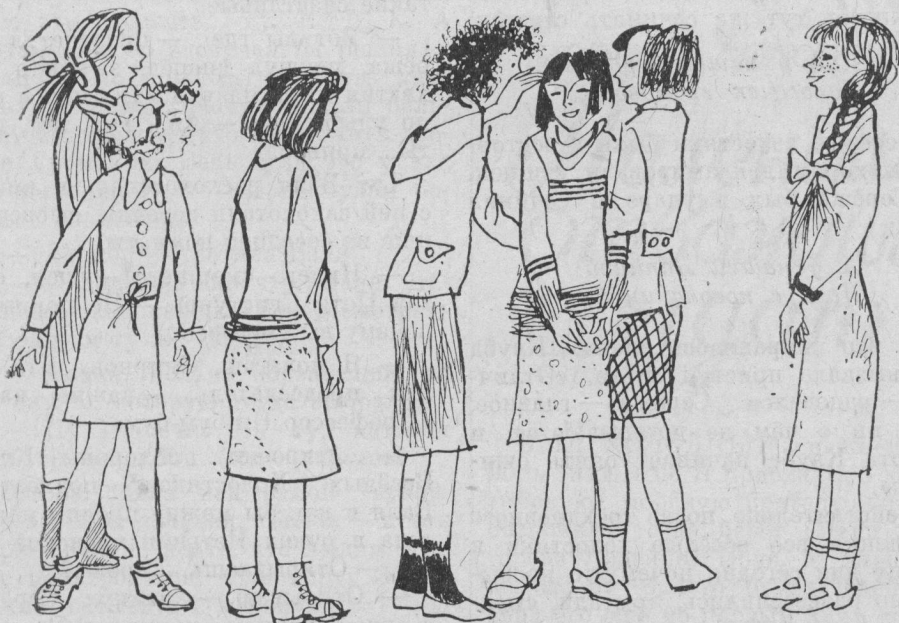
но? — пытался бодриться Серёжа. — Погоди, что ещё завтра будет!

Но — увы. Назавтра, то есть всего на третий день существования Клуба, Серёже стало ещё тоскливей. Почти что плакать хотелось. Потерялось что-то явно важное, но что — Серёжа понять не мог. Ну, посмеялись два дня — а дальше? Смеяться почему-то больше не хотелось, да честно говоря — и не над чем было.

А к концу дня Петя узнал стороной, что волейбольная команда их класса, несмотря на то, что в ней остались одни девочки, — в пух и прах

На пятый день стало совсем невыносимо. Серёжа прямо не знал, куда ему себя девать — до того было скучно.

И вдруг на переменке Валя, пробежая мимо Сергея, с равнодушным и независимым видом сунула ему прямо в ладонь маленькую треугольную записочку: «Дорогой Серёжа Смирнов, — писала Валя, — мне сегодня почему-то очень тоскливо и одиноко. Приходи ко мне сегодня вечером в шесть часов, мне так хочется поговорить с тобой по-старому. Приходи, я жду. Валя.

расколотила команду шестого «Б», чего даже при Пете ни разу не случилось. Петя просто распух и потемнел от досады, как баклажан. И уж какой тут мог быть смех?! А востроносенький Миша срезался по немецкому и вслух пожалел, что отказался от помощи Тоси Солиной. Серёжа сердито наскочил на Мишу, предложил ему сдать членский билет К. В. Х. Миша стал огрызаться. «Профессор Ни-бум-бум» вдруг сказал, что Смирнов слишком много о себе мнит. Петя буркнул: «Надоело». И весёлые холостяки чуть-чуть не передрались.

Р. С. Если ты никому не скажешь об этой записке, о ней никто-никто никогда ничего не узнает. В.»

Серёжа, не веря себе, потихоньку ото всех прочитал записку раз, прочитал другой и растерялся от счастья. Так и дохнуло на него вечерним садом и дымом, и влажной землёй. Серёжа метнулся к Вале, чтоб крикнуть: «Конечно, приду», — но с разбега остановился. А Клуб? По уставу К. В. Х., он ведь должен показать эту записочку всем членам Клуба. Устав нарушать нельзя... «Если ты никому не скажешь об этой записке, о ней никто-никто ни-

чего никогда не узнает», — перечитал он ещё раз. Да. Никто ничего не узнает. Он не покажет записочки. Он пойдёт к Вале.

Серёжа незаметно кивнул Вале, ему стало легко, весело и немножко страшно. Он невольно сделал стойку, прошёлся на руках, а чтоб скрыть от весёлых холостяков причину своей радости — остаток дня Серёжа из последних сил потешался над девочками.

На его счастье, Лёля Громова, одна из всего класса певшая басом, вдруг пустила на уроке пения визгливого петуха, что даже учителю стало смешно. Это дало Серёже возможность тут же сочинить стишок:

*Как у нашей Громовой
Голосочек громовой!*

Весёлые холостяки были в восторге и хором декламировали стишок, а Серёжа был в ударе и сочинил ещё:

*А у нашей Лапиной
Ноги с косолапиной.*

И это понравилось членам Клуба и вызвало приступ смеха. «Отлично, — радовался Серёжа, — главное, они ни о чём не догадываются, и работа Клуба начинает опять оживать».

Действительно, после трёхдневного томления все весёлые холостяки к концу дня сегодня почему-то необычайно развеселились, прыгали, смеялись и наперебой, точно соревнуясь, говорили друг другу, какие девочки глупые, до чего их легко разыграть, и т. д., и т. п. Но несмотря на это оживление, Серёжа с трудом дождался вечера и ровно в половине шестого, радуясь и озираясь по сторонам, отправился к Вале.

По дороге он купил пучок ландышей, но спрятал их глубоко за пазуху, чтоб если бы его кто и встретил, то ни о чём не догадался.

Возле Валиной калитки Серёжа воровато оглянулся по сторонам и, обнаружив, что никто не выследил его, невысоко подпрыгнул козлом и уверенно постучался в дверь Валиной комнаты.

— Сию минуту, — откликнулась Валя, и тотчас же за дверью патефон грянул марш Черномора. — Теперь войдите!

Серёжа широко распахнул дверь, под музыку вошёл в комнату и... остолбенел: вдоль стенки аккуратным рядом сидели все весёлые холостяки. Сидели они неподвижные, молчаливые и красные как помидоры, они не отрывали мрачного взора от носков ботинок и только нервно мяти в пальцах маленькие треугольные записочки, точь-в-точь такие же, как та, что получил Серёжа.

Так вот почему сегодня они были такие счастливые.

— Вот вы где... — пролепетал Серёжа, шагнул вперёд, зачем-то выхватил из-за пазухи ландыши и глупо улыбнулся. — Ан... гм... вот, цветы... принёс.

Тут Валя расхохоталась и вместе с ней захохотали девочки, выскочившие из соседней комнаты.

— Ничего смешного, — рдея, сказал Петя Свистунов. — Не понимаю, почему вы смеётесь...

— Я полагаю, Смирнов, что ты, как председатель... — важно начал «Профессор Ни-бум-бум».

— ...откроешь похороны Клуба Весёлых Холостяков, — подхватила Валя и как бы между прочим повертела в руках Петькин членский билет. — Открываешь, Серёжа?

— Открываю, — крикнул Серёжа, с восхищением глядя на Валу. — Холостяки! Стройся в затылок друг другу. Гуськом. Девочки, за нами. Пошли. Погребение К. В. Х. считаю открытым.

И тут под марш Черномора началась такая бешеная маршировка, с такими лихими подпрыгиваниями, когда барабан делал «бум-бум-бум», что через три минуты даже Петя Свистунов развеселился.

— Ой, и весёлые же похороны! — восклицал он, подпрыгивая.

А потом ребята все вместе пошли на Неву, смотрели на ладожский лёд, и всем вместе вдруг показалось, будто Нева остановилась, а они понеслись по набережной, как на ко-

рабле. А потом купили в складчину китайских орешков, съели их и твёрдо решили отобрать от шестого «Б» Красное знамя. А потом как-то так получилось, что Серёжа и Валя отстали от ребят, — те очень бежали вперёд, что ли?

Пройдя несколько шагов молча, Серёжа и Валя повернулись друг к другу и в один голос сказали:

— А ты на меня не злишься?

И в один голос ответили:

— Ничуть.

— Знаешь, — добавил Серёжа, — я сперва разозлился, когда Громова захохотала над звездой, и придумал всю эту глупость... ну, К. В. Х. А потом ужасно заскучал. И решил — если у нас дружба, то пусть хоть сто Громовых хохочут, а если больше чем дружба — то пусть хоть две-сти Громовых. Ведь если это у нас по-настоящему, то мы не будем бояться насмешек.

— Верно, — ответила Валя.

— И знаешь ещё что, Валя. Давай всё-таки каждый вечер смотреть на одну и ту же звезду.

— Давай. Только обязательно на ту самую, которую тогда выбрали.

— Ну, конечно. На ту, которая над трубой. Вон она — видишь?

Звезда сияла над самой трубой, звезда была зелёная, тёплая — и так было приятно знать, что людям есть где пристроиться, если вдруг Земля начнёт остывать и мёрзнуть.

13 мая 1941 года.

Рис. В. Топкова

Георгий Холопов

Маленький Отважный солдат

БЫЛ ХОЛОДНЫЙ снежный ноябрь 1941 года. Я приехал в 3-ю балтийскую морскую бригаду, которая обороняла тогда берег Свири ниже города Лодейное Поле, и зашёл к комиссару одного подразделения — знал его ещё по первым дням войны, когда балтийцы вели бои в районе Видлицы и Олонца.

Мы беседовали, когда раздался дробный перестук каблуков по ступенькам и в комнату влетел раскрасневшийся от быстрой езды и мороза... маленький солдатик с карабином за спиной.

— Ваше задание выполнено, товарищ комиссар! Приказ доставлен по назначению! — единым духом выпалил он.

— Спасибо, Юра, — ответил комиссар. — Но всё-таки валенки надень, — дружески посоветовал он, — в сапогах уже холодно.

— Ни за что, товарищ комиссар!

— Это почему же?

— Как же тогда на лошадь сесть?

Комиссар, в недавнем прошлом юрист по гражданским делам, смутился и спрятал улыбку в свои пушистые усы:

— Да, пожалуй, валенок в стремя не влезет... Но смотри, Юра, ноги не обморозь.

Когда он ушёл, комиссар сказал:

— На страх врагам растёт парёнок. Порой взрослому не доверишь того, что можно Юре. Поговори с ним.

Но побеседовать с Юркой Сырковым удалось только на другой день.

Когда Юра скинул шинель, снял шапку-ушанку, передо мной за столом оказался щупленький, с взлохмаченной жёсткой шевелюрой мальчик лет тринадцати-четырнадцати.

Какими же судьбами оказался он на фронте?

Вот его история.

Стояло жаркое лето 1941 года. Придя с завода, отец стал собирать вещи в желтый фанерный чемодан. Юра помогал ему вместо матери, уехавшей на оборонные работы.

Потом, когда отец попрощался с бабушкой и они вышли в коридор, Юра ему шепнул:

— И я еду на войну... Не говори только бабушке!..

Отец торопился на поезд и, зная настойчивый характер сына, особенно не отговаривал его, но предупредил:

— Не забудь только попросить разрешения у начальника станции! А то не пустят в воинский поезд.

Вот и вокзал. Играет оркестр. Вокруг — тысячи людей.

Уже перед отправкой поезда отец спохватился:

— А про начальника-то станции мы и забыли!..

Юра, расталкивая всех, кинулся в здание вокзала, нашёл начальника. Тот внимательно выслушал его, увёл к себе в кабинет, велел сидеть и ждать, а выйдя на перрон, отдал поездку отправление.

Юра выбежал на перрон и увидел хвост последнего вагона...

Но Юра был не из тех, кто при

первой же неудаче падает духом и отказывается от задуманного.

По примеру отца, он собрал нужные на фронте вещи, запихал их в рюкзак, с которым ездил в пионерлагерь, постоял на лестнице, хотел дождаться бабушки, проститься, но решив, что это только вызовет у неё слёзы, оставил записку и побежал на вокзал.

В одном из вагонов Юре разрешили проехать «одну станцию». А там он уже не вылезал из него, забравшись на верхнюю полку.

Пять дней тащились кружным путём до Лодейного Поля. А в Лодейном Поле Юра Сырков проявил завидную настойчивость. Хлопотали за него подружившиеся с ним в дороге призывники. И попал он как «сын полка» в 3-ю балтийскую морскую бригаду, которой командовал строгий, но добрый человек Александр Петрович Рослов.

Юру приписали к тыловой части, поставили на довольствие, подобрали соответствующую его росту шинель, сапоги и другое положенное обмундирование, и он стал самым маленьким солдатом морской бригады.

— НУ И ЧЕМУ ТЫ успел научиться на фронте? — спрашиваю я у Юры.

Он смеётся:

— Я всё умею делать! На лошади езжу. В оружейной мастерской помогаю чинить всякое оружие. Научился стрелять из винтовки, автомата и пулемёта. Из миномёта тоже умею.

— Многие ты успел, — говорю я.

— Это ещё не всё. Могу водить грузовую машину!

— Когда ты всему этому научился?

— На войне время зря не теряют, — со знанием дела отвечает Юра.

— Ну а с кем ты уже подружился?

— С разведчиками... С Шурыгиным и Кирилловым!.. Особенно с Шурыгиным!.. Вот это герой! — И, наклонившись ко мне через стол, го-

ворит шёпотом, по секрету: — Они ходят по немецким тылам... А мне принесли «финку», захватили у офицера. — Он вынимает маленький финский нож и протягивает полюбоваться.

— Кем собираешься быть? У тебя столько заманчивых специальностей! — говорю я, возвращая Юре финский нож.

Снова наклонившись ко мне через стол, Юра шёпотом произносит:

— Развед-чи-ком!..

— Ну для разведчика ты ростом ещё не вышел. И возрастом тоже, — говорю я. — Лучше помогай оружейникам чинить старое оружие и пристреливать его. Когда закончится война, возьмут тебя с удовольствием слесарем на любой завод.

— Нет, — насупившись, твёрдо отвечает Юра, — буду разведчиком. Капля камень точит. Раз откажут, два откажут, даже три откажут, а потом всё равно в разведку пустят. Буду держаться за Шурыгина с Кирилловым...

СНОВА ПОБЫВАТЬ в 3-й морбригаде мне пришлось чуть ли не через полгода. Завершив свои корреспондентские дела, я навёл справки о Юре Сыркове.

— В медсанбате наш Юра, — ответили мне.

— Что с ним? Заболел?

— Ранен...

— Когда?.. Где?..

— В разведке... Недавно...

«Всё-таки побывал в разведке!» — с досадой подумал я.

На попутной машине поехал в медсанбат. Зашёл в палату.

Не сразу узнал я Юру. Он лежал у окна. Поверх одеяла — правая рука в гипсе. И шея окручена бинтами.

Передо мною был уже не убежавший на войну мальчик, а бывалый солдат. Правда, всё-таки маленький.

Юра узнал меня сразу. Он обрадовался, приподнялся в постели, опершись на здоровую руку. Я тут же уложил его обратно и потрепал взлохмаченную жёсткую шевелюру.

— Ну вот, не послушался меня, лежишь теперь раненый, — начал было я ворчливо.

— Ой, товарищ капитан, не ругайте меня! — взмолился Юра. — Вон спросите Петра Шурыгина — ни в чём я не виноват!..

— Виноват — не виноват!.. Теперь поздно искать виноватого, — строго проговорил я и обернулся, чтобы как следует отчитать этого самого Петра Шурыгина.

Тот лежал на соседней койке, положив забинтованную ногу на спинку железной кровати, и счастливо улыбался.

— «Язык»-то оказался бесценный... Вот какое оно дело, товарищ капитан, — простуженным голосом прохрипел Шурыгин.

В ЭТОТ РАЗ разведку возглавил сам командир взвода лейтенант Катаев.

Целую неделю изучали вражескую оборону, готовили проходы в завалах, минных полях и проволочном заграждении. И когда Катаев убедился, что всё готово для выполнения

задания, то сам пошёл с группой захвата, а на прикрытие оставил политрука Гавриленко.

Юра с автоматом в руках затаился в кустах, позади прикрывающей группы. От нашей траншеи он находился недалеко, шагов за двести. Юре было приказано: в случае опасности сразу же отползти к своим. Только на этом условии его и взяли в разведку.

Но он себя повёл совсем иначе...

Стемнело. Снег сошёл ещё не повсюду, и на нейтральной полосе можно было кое-что различить: бугры, пеньки, опушку чахлого болотного леса... Миновав это пространство, лейтенант Катаев повёл свою пятёрку в глубь обороны противника.

Вот и тропа, на которой наши наблюдатели заметили в вечернюю и ночную пору движение.

Сделали засаду.

Ждать пришлось долго. Несколько часов.

Вот наконец на тропе раздались бухающие шаги.

Все замерли.

Бухающие шаги приближались... Вдали мелькнули, словно две тени, две фигуры... Стали гадать: «Солдаты или офицеры?» Вот наконец они поравнялись с разведчиками... Это были солдаты — они о чём-то спорили, перебывая друг друга...

С большим сожалением пришлось пропустить их, а ведь тоже могли бы стать «языками»!.

Снова пришлось ждать: час ли, два ли, а может, и целых три, пока на тропе не раздалась еле различимая шаги, а вскоре показалась размытая темнотой фигура неизвестного.

Офицер!

— Берём! — шепнул лейтенанту Пётр Шурыгин.

Всё остальное произошло молниеносно!

Шурыгин набросился на офицера, зажал его сзади в руках, точно в тисках. А дружок его Кириллов меховой варежкой забил гитлеровцу рот — правда, тот хотя и не громко, но всё же успел крикнуть. Связали

ему руки ремнём и стали выносить на нейтральную полосу. Сзади пойманного офицера страховал сам лейтенант Катаев с пистолетом в руке.

Когда уже миновали передний край противника, услышали топот солдатских сапог. Четверо гитлеровцев, ведя на ходу огонь из автоматов, начали преследовать наших разведчиков.

Услышав, что идёт помощь, гитлеровский офицер начал сопротивляться — падал на колени, упирался, даже бодался... Тогда лейтенант Катаев дал ему хороший подзатыльник, и офицер присмирел...

Группа прикрытия политрука Гавриленко пропустила Катаева с «языком» к нашей обороне и тут же открыла огонь, преградив дорогу гитлеровцам.

Но тут случилось вот что...

Лежавший в кустах и застывший от стужи Юра, прижимаясь к земле, пополз к соседнему кусту, потом к другому, забирая всё правее и правее, пока не оказался на таком расстоянии от места боя, что уже смог смело вскочить на ноги и, пригнувшись, перебегая от дерева к дереву, выйти на опушку леса, в тыл гитлеровским автоматчикам.

Какое-то время, затаив дыхание, он вглядывался в серую апрельскую ночь. Юра хорошо помнил любимую присказку Шурыгина: «У разведчика глаза должны быть, как у кошки. Он и в полном мраке должен всё видеть». И он всё увидел.

Вот к врагам подоспели ещё три автоматчика... Вот им удалось потеснить группу прикрытия... Вот, судя по всему, наших разведчиков ранили, потому что ответный огонь с нашей стороны стал повемногу затихать...

Сперва одиночными выстрелами из автомата, а потом и короткими очередями Юра повёл по фашистам огонь. Действовал смело — слева у него на поясе в брезентовом чехле висел запасный диск, а справа, в кармане ватника, лежала граната «лимонка». Выстрелы с тыла оказались для гитлеровцев столь неожиданными, что на какое-то время они

прекратили стрельбу. Но у них глаза были тоже, как у кошки: они увидели среди чахлого березняка мальчишку и, не сговариваясь, ударили по нему из своих автоматов.

Юра огрызался короткими очередями, мелькая среди деревьев то здесь, то там, пытаясь всячески отвлечь фашистов на себя. В его действиях, конечно, было много неумелого, наивного, но он всё же помог разведчикам, оправдал своё участие в ночном поиске.

Хотя и медленно, словно нехотя, начало рассветать. Сквозь утреннюю мглу всё явственнее проглядывалась нейтральная полоса.

Вот из нашей траншеи стали на помощь выскакивать разведчики группы захвата. Мелькнул среди них и лейтенант Катаев, вслед — Пётр Шурыгин...

Снова закипел бой. Но на этот раз перевес был на стороне наших бойцов. Вражеских автоматчиков погнали назад. Вот один из них вскинул руки и замертво свалился на землю. Вот ещё одного, отходящего, недалеко от леса ранил, кажется, сам Юра... Отстреливаясь, вражеские автоматчики подхватили товарища и

постарались поскорее скрыться.

Погони за ними не было. Ни к чему!

«Язык» был взят, а это было главным событием в сегодняшнем ночном поиске. Теперь следовало вынести своих раненых и быстро укрыться в траншее боевого охранения.

Но не все успели вовремя добежать до неё: противник открыл сильный миномётный огонь по всей нейтральной полосе и по нашему переднему краю. Когда Юра добежал до Шурыгина, нетерпеливо дожидаящегося его у траншеи, недалеко от них и шлёпнулась с воем тяжёлая мина.

Осколками этой мины их ранило. И лежат они теперь в одной палате медсанбата...

С ТОЙ ДАЛЕКОЙ военной поры прошло больше сорока лет. И каждый раз, вспоминая войну, я тепло вспоминаю и маленького отважного солдата Юру Сыркова и слова комиссара о нём: «На страх врагам растёт паренёк».

*Алеховщина, 1941
Ленинград, 1984*

Рис. В. Орлова

Пчелы атакуют эскадрильями

...А пленных фашистов разведчики называли просто — «язык». Фашист — он молодец против овец, а против молодца — сам овца. Вот и выбалтывали они важные военные секреты, развязав со страху длинные свои языки... И говорил, бывало, наш командир, напутствуя разведчиков перед очередным поиском: «Разузнайте, братцы, всё поточнее да поподробнее, а лучше всего притащите „языка“ — сам расскажет!»

Почти смешная история, которую вы сейчас прочтёте, произошла летом 1944 года в Эстонии за год до Дня Победы. А как правильно ставить ударение в названии небольшой эстонской речки Выханду, не знаю до сих пор.

*Эх ты, речка, речка!..
Тожe мне подарочек!
Жизнь горит, как свечка,
на ветру огарочек.*

*Вы́ханду иль Выханду́ —
так и сяк у нас в ходу.
(При игре в солдатики
нам не до грамматики.)*

*Наскочили на беду
мы на эту Выханду́.
Как пробиться к выходу
нам от этой Вы́ханду?*

*Мы — разведка.
Нас лишь трое.
В десять раз сильнее враг.
Наседают — нет отбоя! —
злее самых злых собак.*

*Банда злого назначенья.
Всё у них — огнём гори!
Мастера уничтоженья
деревень и населенья...
Каждый — по уши в крови.*

*Каждый чёрен без просвета.
От петли им хода нет.
Жизнь идёт...*

*А жизни нету.
День-другой — и их к ответу.
Вот и жалят напослед.*

*Не сломить их боем:
слишком уж их много.*

Нас же — только трое.
Где она — подмога?!

Скверные игрушки!
И друзья далечко...
Выханду-речушка.
Хуторок у реки.

Перед нами — свастика.
Промеж нами — пасека.
Шлёпаются мины.
Слава богу, мимо!

Угодило в улей.
Тучей да сердито
пчёлы — злее пули,
хуже «мессершмитта».

И стеной рванулись в бой.
Нет от пчёл отбоя!
Фрицы — в речку с головой
со свинячьим воем.

А за улей с сотами,
что разбит навыворот,
жалят пчёлы сотнями
всякого, кто вынырнет.

Тут мы вместе с пчёлами
их добили дружно.
Одного не тронули.
Нет, не жаль!..
Он нужен нам.

Мы же здесь не за медком,
Мы пришли за «языком».
Строгий командир полка
ждёт живого «языка».

На песчаную грядку
вынули из речки
(Выханду иль Выханду?)
мерзость-человечка.

Разглядели языка
и схватились за бока!
Морда — как подушка.
Не глаза, а щёлки...

...ВЫ!-хАн!!-дУ!!!-

Молодчаги, пчёлки!
речушка.

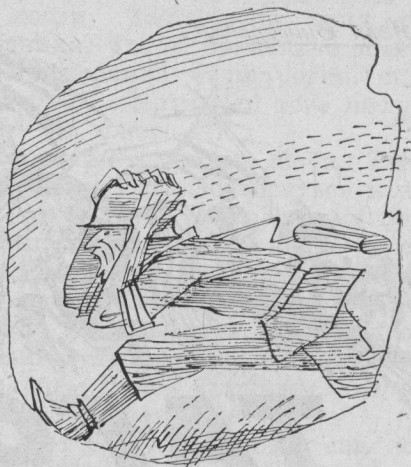

Рис. Г. Ясинского

Старая, как мир, история: лошадь на войне.

Это был красавец-жеребец той аристократической лошадиной масти, которая не часто встречается — серый в яблоках. Его выцыганил в тылах дивизии наш кавалирист политрук Хралов, хотя, откровенно говоря, сапёрам для их верблюжьей работы вряд ли нужен был серый в яблоках. Кажется, даже сам конь понимал это. Он возмущённо фыркал, трепетал ноздрями, дрожал своей холеной шкурой и всё время грациозно приплясывал, поочерёдно отдёргивая ноги от земли, как будто земля жгла ему копыта. Он, казалось, просил: «Опустите меня! Что мне тут делать среди обозных коняг? Дайте мне пробежаться!..»

Но это впечатление держалось лишь до того времени, пока к жеребцу не подошёл командир второй роты Владимир Петрович Коробкин. Высокий, с прямыми плечами, туго затянутый ремнём, Коробкин был едва ли не самым заметным в батальоне командиром, если, разумеется, не считать самого командира батальона, который и должен быть заметнее любого из своих подчинённых.

Коробкин взял коня под уздцы, стал лицом к его нервной прекрасной морде, потрепал по шее, поправил низко отросшую чёлку, и жеребец вдруг заржал. Это было похоже на встречу боевого коня со

старым хозяином после изнурительно долгой и непонятной разлуки. Конь и обрадовался, и как бы пожаловался — ведь теперь у него была й-го-го-го какая жизнь!

— Смотрите, как он к вам! — удивился Хралов. — Как будто к своему.

Через какой-нибудь час капитан Коробкин в своей великолепной плащ-палатке, призванной заменить кавалерийскую бурку, выехал на Тагоре в поле. Лошадь и всадник тотчас же скрылись за облаком пыли; слышался только дробный топот копыт. И конь и всадник понимали толк в хорошей скачке...

Всё это происходило под Павловском, где мы строили свой первый, весьма бесхитростный оборонительный рубеж. Немцы в это время атаковали позиции наших войск под Лугой. Затем они начали выходить к Гатчине, куда была переброшена и наша ополченческая дивизия, чтобы остановить врага. Сапёры здесь получили задачу на минирование.

Немцы подходили к нашим рубежам пока что не массово, лишь передовыми частями, и сапёры могли работать в относительной тишине. Первое время Владимир Петрович даже разъезжал по участкам минирования на своём Тагоре.

Как-то приехал он в один из своих взводов, проверил работу, по-

журил взводного за неряшливую маскировку поставленных мин и решил разведать, что же делается впереди — ну вот хотя бы на том хуторке.

Он отправился на хутор неспешным шагом, въехал по тропинке прямо в огород, но тут его рука сама собой натянула повод: «Тш-ш, Тагор!» — на дороге перед избой стояли немецкие мотоциклы, а во дворе шуровали и сами немцы.

Как ни были заняты немцы своим делом, всё же кто-то увидел нашего всадника, крикнул: «Рус!» — и все всполошились...

Коробкин развернул коня и дал ему шпоры.

Раньше эти шпоры только щекотали благородные бока Тагора, только подзадоривали его на хорошую рысь, а тут впились волчьими зубами, и жеребец ошалело взвился. Прямо перед ним оказалась невысокая, незавершённая скирда соломы, и он перемахнул через неё чуть ли не с места. И как раз в это время сзади ударила первая пулёмётная очередь.

Пули увязли в соломе.

Вторая и третья очереди уже

не могли достать ни коня, ни всадника. Тагор буквально вынес своего хозяина из-под огня, спас от верной смерти или того нелучше! — от плена.

Коробкин и раньше любил Тагора, а теперь стал относиться к нему как к другу. И когда ему приказали взорвать мост перед деревней Романовка, Владимир Петрович сам остался у моста, возглавив группу подрывников, а Тагора отправил в тыл вместе со своим ординарцем Ваней Суриным, которому доверял как себе.

В этот раз уже человек спас коня, потому что на всём пути нашего недолгого отступления от Гатчины до Пушкина, и в самом Пушкине видели мы убитых и раненых лошадей, с потухающей радужной синевой в глазах, с последней бессловесной просьбой к человеку. Опоздай Коробкин отправить Тагора — может, и серому в яблоках пришлось бы издыхать на дороге или в канаве, с перебитыми ногами.

Зато самому Коробкину пришлось тяжко. Ещё до того как мост был подготовлен к взрыву,

ПРОЧИ ЭТУ КНИГУ

«Месяц и один день шла бомбёжка города. Месяц и один день жена и я торчали на чердаке своего жакта. Месяц и один день слушали мы в темень чердака тянущее за душу пение немецких моторов, полный томительного ожидания свист бомб... Сидели, слушали, напрягались, пугались и... обтерпелись», — так начинается блокадный дневник Александра Сергеевича Никольского, замечательного ленинградского архитектора.

Сто двадцать семь страниц дневника и рисунки, сделанные им в блокадном Ленинграде, переносят нас в атмосферу осаждённого города. Вместе с ним поднимаемся мы при тусклом свете «летучей мыши» на чердак дома, видим в слуховое окно взрывы бомб и «качаемся вместе с домом от взрыва». Потом мы знакомимся с жизнью и бытом бомбоубежища под Эрмитажем: их поселили в 3-м бомбоубежище, под Итальянским залом, а большинство знакомых жило в 5-м, под Египетскими залами, «оно самое надёжное в смысле непробиваемости, но душное». «По своей способности работать в любых условиях я начал работать в бомбоубежище, — пишет Александр Сергеевич, — появились новые рисунки, около 30-40 штук». «Октябрь я рисовал бомбоубежище с натуры. Ноябрь рисовал по впечатлению и памяти Неву с кораблями и в декабре нарисовал залы, комнаты и переходы Эрмитажа. А в канун Нового, 1942 года, А. С. Никольский официально пригласил соседей по бомбоубежищу на свой вернисаж.

немецкие автоматчики перешли неглубокую Ижору где-то в стороне и обстреляли минёров. А когда взрывали мост, Владимир Петрович получил шесть ран. И уже не было здесь ни машины, ни повозки, ни коня... Хорошо, что раненого капитана взяли в свой броневичок танкисты, которые приезжали к мосту на разведку...

Новая встреча хозяина и коня состоялась уже в голодные блокадные дни, когда Владимир Петрович вернулся из госпиталя в батальон, к тому времени очень немногочисленный. Стояли мы на окраине Колпина, дневали в рабочих бараках третьего кирпичного завода, а по ночам лазали и ползали по переднему краю, минируя его и укреплённую.

Сам Коробкин по-прежнему выглядел браво, словно бы не желая замечать голода. Уже после возвращения из госпиталя он сшил в батальонной портновской роскошную

бекешу с меховой оторочкой, даже по морозу ходил нередко в сапогах с никелированными шпорами, хотя на Тагоре больше не выезжал. Невозможно было появиться верхом на жеребце в то время, когда люди с трудом переставляли ноги, а то и вовсе переставали ходить.

И уже немного дней оставалось Тагору жить. Во время одного сильного огневого налёта большой осколок снаряда ранил коня.

Пришлось Тагору пристрелить.

И сделать это выпало самому Коробкину.

Потом Тагору передали хозяйственникам — на кухню.

Это было в голодный декабрь сорок первого года, чуть ли не в самый лютый месяц ленинградской блокады...

Как это часто бывает с животными, они и смертью своею служат человеку.

Старая, как мир, история...

Рис. Л. Московского

В бомбоубежище встретили и Новый год. «Я склеил из полуватмана небольшую ёлку. Делаю на неё украшения из золотой бумаги... Конструкция крепкая, очень пространственная».

Зима 1941/42 годов — самый тяжёлый период блокады, но и в эти дни А. С. Никольский не переставал верить в победу. «Я твёрдо верю в скорое

снятие осады и начал думать о проекте триумфальных арок для встречи героев, — записал он в начале января. — Я задумал серию памятников — памятных точек боёв за Ленинград... Коллективный памятник боям на подступах к Ленинграду... Специалист должен быть готов всегда — и я готовлюсь, не ожидая понуканий, не ожидая заказов...»

Один из проектов А. С. Никольского был реализован. В июне 1945 года под звуки торжественных маршей воины Ленинградского фронта прошли под его аркой Победы. Среди встречавших был и Александр Сергеевич Никольский.

Дневник А. С. Никольского и альбом с его рисунками блокадного Ленинграда хранятся сегодня в Эрмитаже. А книга А. С. Никольского «Ленинградский альбом» вышла в свет в 1984 году в издательстве «Искусство».

Е. Ермоловский

САТИРА НА ПЕРЕДОВОЙ

Блокада.

Голод.

Таял сил запас.

Снаряды падали.

Дошёл до сердца холод.

Как людям нужен смех был в этот час

когда держался из последних город.

И сам художник был, как щепка, худ.

Но он вершил над Гитлером свой суд,

художник Гальба шёл с фашизмом в бой

и в городе... и на передовой!

В ШТАБЕ НАШЕГО ПОЛКА

— Художник Гальба прибыл.

— Проходите.

— Командирован от газеты к вам.

— Петренко.

— Я.

— Вы вот что... покормите
товарища.

— Я ел.

— Да вижу сам

и знаю положение в Ленинграде.

— У нас паёк в газете...

— Каша вот.

И чаю...

Чем богаты, тем и рады.

Да ешьте, ешьте...

Дело обождёт!

— Спасибо за обед...

— Иди, Петренко.

У нас тут разговор один. Секрет.

Бойцы вас любят. Высшая оценка

рисункам вашим — смех.

Другого нет

художника, наверно, в Ленинграде,

чтоб так врага разил карандашом.

Фашисты вас представили «к награде»!

Разведчик наш тут список нашёл,

кого должны повесить, поимённо,

как только Ленинград они возьмут.

Там Гальба есть.

— Так, значит, нет резона

Памяти
ленинградского художника
Владимира Александровича
Гальбы

мне унывать.
 Себе пусть петлю ткнут.
 Последний свой рисунок вам принёс.
 — А хорошо, ей-богу. Гитлер — пёс!
 А вы б могли нарисовать такое...
 Что если б здесь фашистам показать...
 Ну, словом, чтоб задеть их за живое...
 — Рисунок далеко не увидеть.
 — Вы на бумаге нарисуйте. Мы же
 перенесём, как есть, — на полотно.
 И укрепим тайком к врагу поближе...
 Ему, надеюсь, будет не смешно!

В НЕМЕЦКОМ ШТАБЕ

— Герр оберст... там...
 — Что там? Ну, говорите...
 — Там русские...
 — Сдаются?... Сколько их?
 — Картины...
 — Привезли из Эрмитажа?
 В обмен на хлеб?
 — Герр оберст! Фюрер там.
 — Как фюрер? Самолётом из Берлина?..
 — Да нет, не сам...
 — Рейхсмаршала прислал?
 Сейчас я полк построю для парада.
 — Герр оберст...
 — Подождите, телефон...
 Я слушаю, я понял, генерал!
 Я головой клянусь! В течение получаса!
 Огонь, болваны! Из всех орудий!
 — По фюреру?!
 — Огонь! Огонь! Огонь!

ПИСЬМО БОЙЦА

А у нас, Катюша, радость!
 Взяли гада в оборот.
 Рядом я, под Ленинградом.
 Мы в окопах чуть не год...
 А фашист жуёт тушёнку
 и заводит патефон.
 Потрясти б его душонку,
 чтобы ту тушёнку — вон!
 ...Вдруг тревога рано утром.
 Я хватаю автомат.
 А фашист палит, как будто
 наступать задумал гад!
 Свищут пули, воют мины,
 а у нас хохочут все.
 Вижу я, что две картины
 на нейтральной полосе.

Был там фюрер разукрашен,
 без одежды, нагишом!
 Наш художник, прямо скажем,
 бил под дых карандашом!
 Вот фашисты озверели
 и по фюреру палят.
 Очень точно бьют по цели.
 А картины, как висели —
 час висят и два висят...
 Всё прошито полотном,
 в дырках — но висит оно...
 От стрельбы-то мало толку.
 Прут фашисты на рожон.
 Ну, мы им намяли холку,
 постреляли, как ворон!

В ШТАБЕ НАШЕЙ АРМИИ

— Из пятого стрелкового полка
 немедленно ко мне политрука.
 Что за стрельба?
 — Товарищ генерал.
 Художник Гальба так нарисовал!
 — Что происходит? Не возьму я в толк.
 Подумал я, что самовольно полк...
 — Картины мы на кольях укрепили,
 там фюрер нарисован в голом виде.
 Ну, а фашисты за него в обиде.
 Пошли в атаку.
 — Скольких вы убили?
 — Да сотни три, товарищ генерал.
 Художник Гальба так нарисовал...
 — Поедете сегодня в Ленинград.
 — А что мне будет?
 — Это там решат.

Политрука и Гальбу в Ленинграде
 за подвиг тот представили к награде.
 Не снёс фашизм проклятый головы,
 победно заалели наши стяги.

«В Берлине — я, а где же, Гитлер, —
 вы?» —
 так расписался Гальба на рейхстаге!

ИЗ ПИСЬМА НЕМЕЦКОГО СОЛДАТА, НАПИСАННОГО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Герр Галба!
 Я сказать готов
 Спасибо! Данке шон!
 Я из-за ваших плакатофф

моей нога лишён!
 Хотел я снять карикатур.
 Но снайпер русский... гут.
 Сказал немецкий профессур:
 — Твоей нога... капут!
 Поехал к муттер. Отшень рад!
 Цурюк-назад! Домой!
 А те, кто был под Ленинград,
 под Курск, Орёл, под Сталинград,
 немецкий офицер, солдат
 сегодня ниht живой!
 P. S.
 А наш герр оберст — остолоп
 себе пустил дер пулю в лоб!

ПОСЛЕДНИЙ ПЛАКАТ

Последний год он тяжело болел,
 но рисовал и книжку, и плакаты.
 Ещё раз во врага попасть успел,
 в того, кого он часто бил когда-то.
 «Урок Истории» — плакат он свой
 назвал
 (а смерть его ждала, с ударом
 медля).

Фашистских лидеров он поместил
 в овал,
 как в рамочку. И эта рамка — петля!
 И Нюрнберг вспомнил:
 — Встаньте! Суд идёт!
 Вот сжался Риббентроп и вздрогнул
 Геринг.

Урок Истории!
 Пускай он впрок пойдёт
 маньякам новым.
 И художник верил —
 мир отстоим.
 За мир он шёл на бой.
 Была сатира — на передовой!

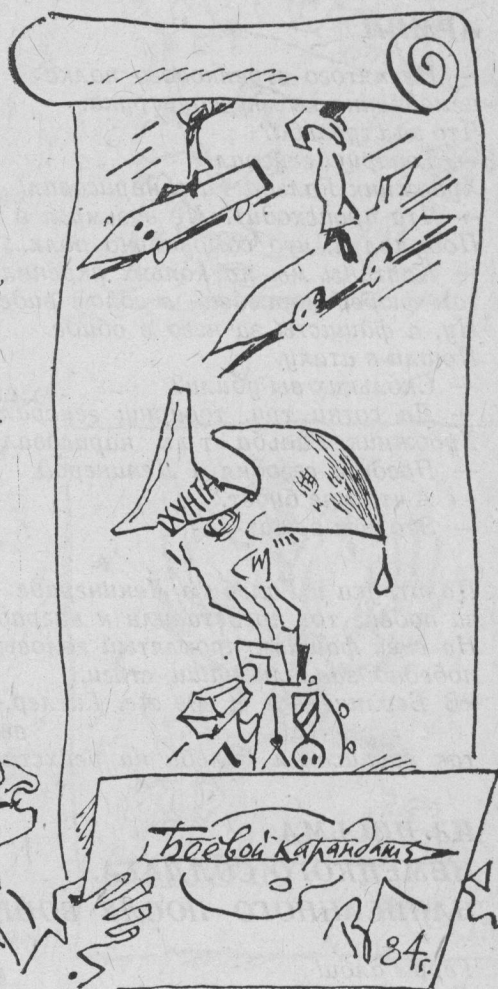

Рис. В. Гальбы и Ф. Нелюбина

22 июня 1941 года, услышав по радио, что началась война, Павел Николаевич Лукницкий наполнил походным снаряжением рюкзак, позвонил в Москву, в «Правду», и сказал:

— Я готов. Что нужно сделать?

— Напишите корреспонденцию о Ленинграде.

Корреспонденция была опубликована в «Правде» 25 июня. К тому времени писатель Павел Лукницкий уже ушёл на фронт.

Все 900 дней блокады Ленинграда Павел Лукницкий участвовал в героической обороне города, а будучи спецвоенкором ТАСС по Ленинградскому и Волховскому фронтам, почти ежедневно давал в печать и на радио и фронтовые корреспонденции, и материалы об осаждённом, но непобедимом городе Ленина.

Когда в 1944 году были полностью освобождены Ленинградская, Псковская и Новгородская области, Павел Лукницкий был переведён на другие фронты. Он прошёл с наступающими частями Советской Армии Румынию, Австрию, Венгрию, Югославию, Чехословакию, участвовал в освобождении Будапешта, Вены, Белграда. Войну закончил в Праге.

Более 600 корреспонденций спецвоенкора ТАСС Павла Лукницкого было опубликовано на страницах газет и передано по радио.

Однако оперативная работа военкора Лукницкого не помешала писателю Павлу Лукницкому регулярно, в любой обстановке вести дневник, записывать в него всё, чему он был свидетелем.

Результатом этого явились его военные книги — три тома «Ленинград действует», «Сквозь всю блокаду», «На берегах Невы», «Венгерский дневник», «По дымному следу» и другие.

Рассказ «Обыкновенное дело» был написан в 1943 году. Печатается впервые.

Вера Лукницкая

Павел Лукницкий Обыкновенное дело

Конечно, за это дело необязательно было браться сапёру. Каждый боец мог бы выполнить такое задание, если б только удалось остаться живым. Но после того, как убило Богатина, а вслед за ним полз Миша Сумцов и его тоже хлопнуло пулей, а командир взвода, взволнованный и злой, вызвал желающих, и пошёл Нестеров, и был ранен, — Муравьёв решил, что без сапёрного искусства здесь никак не обойтись.

— Я пойду, товарищ лейте-

нант! — говорит Муравьёв. — Хоть и не вашего я взвода!

Лейтенант пристально посмотрел на бойца, который давно уже приглянулся ему не только своим спокойствием да богатырским телосложением. «Дело серьёзное, но парень, видно, понимает, на что напрашивается!..»

А дело было в том, что половина траншеи — у нас, половина — у немцев. И если б траншея была прямой — ни наши, ни немцы не могли бы в ней удержаться, — вся бы она

простреливалась продольно! Но траншея тянется волнообразно — змеей, и за каждым изгибом её остается маленькая непростреливаемая зона. В нескольких таких зонах и распределились бойцы взвода, но сообщаться между собой не могут: за каждым поворотом их подстерегают пули. И тот основной поворот, от которого ответвляется ход сообщения в наши тылы, немцы перекрывают сплошным ливнем пуль всякий раз, когда кто-либо из бойцов пытается к нему проползти или перебежать. Надо было во что бы то ни стало перегородить в этом месте траншею земляной перемычкой, сделать её в рост человека.

Ясные глаза Муравьёва спокойно выдерживают пристальный взгляд лейтенанта. В них — то выражение уверенности, какое бывает только у мастеров, хорошо знающих дело, за которое они берутся... Для них это обыкновенное дело.

— Коль хочешь — иди! — отвечает лейтенант. — В общем, как бы там ни было, а задание тебе — окопаться... Только там жизни нет... Смотри!

И сапёр Иван Муравьёв выпрямляется во весь свой высокий рост. И каска его появляется над краем траншеи.

Он примеряется глазом к предстоящему пути и заодно осматривает всю местность. И ему приходит на ум, что он всегда любил всё живое... Если лес — так чтоб был он зелёным и пели в нём птицы. Если вода — так чтоб текла глубокой рекою и чтоб на поверхности её нетнет да и всплескивала рыбёшка; если ровное поле, так уж всё в сочной траве, что ходит под ветром, и трескотня кузнечиков, и порхание мотыльков. А уж коли зайдёшь в деревню — то чтобы резвились по улицам дети, из-за плетня доносилась бы женским голосом песня, а где-то в дальнем дворе ни с того ни с сего замычала бы корова...

На что глядеть здесь?.. Только пни да воронки, на дне воронок — не вода, а бурая жижа... Ни пучка

зелёных травинок не поднимается нигде из этой серой, мёртвой, перемолотой трухи, которую и землёй-то нельзя назвать. Тянет едкою гарью, кислятиной взрывных газов, и первоначальное своё обличье сохранило одно только небо — солнечное и голубое; и кажется даже странным, что сотни снарядов, разрываясь в нём, не искрошили его, не изуродовали, не обесцветили... Жаром и чадом и грязью и кровью стал окружающий мир, и было б куда соответственной, ежели бы и голубое небо, и чистые белые облачка тоже убрались бы куда-нибудь подальше отсюда — в живые места...

Может, и долго размышлял бы об этом Иван Муравьёв, но слишком уж назойливо засвистали вокруг пули. «Надо побережись, пожалуй, неровен час — как бы не зацепила какая». И, сказав лейтенанту: «В случае чего — прикрывайте!..» — взял автомат, сапёрную лопату и, пригнувшись, перебежал за первый поворот.

К излучке траншеи он ползёт очень долго. И все, кто может его видеть, следят за ним. И сколько ни свистят пули на поворотах, — он всё-таки остаётся живым, обманывая немцев то стремительной перебежкой, то припаданием к земле, то ловким перекатыванием по дну траншеи.

И вот, наконец, это скверное место.

У той стороны поворота, раскинувшись, посреди траншеи лежит мёртвый Миша Сумцов — его лоб пересечён пулями. «Нельзя тут перебегать! Разве успеешь?» — размышляет Иван Муравьёв, подобравшись вдоль стенки до крайнего предела, за которым уже как хотят хозяйничают немецкие пули.

Ни на вершок дальше двинуться невозможно.

Торопиться некуда. Лёжа ничком, Муравьёв примеряется глазом. Если протянуть лопату вперёд — её увидят. Ну и пусть видят, пусть

бьют — руки у Ивана, как клещи, лопату из рук не выбьют!..

Рассчитывает. Вытянутой рукой выдвигает вперёд лопату — по лопате сразу треск пуль. Но Муравьёв держит её за конец ручки и, колупнув ребром землю, переворачивает первый ком.

Следующая очередь пуль прошивает лопату насквозь, отбрасывает её, ручка дёргается в руках Муравьёва. Он отворачивает лицо от земли и песка, разбрасываемых пулями, и, выждав окончания очереди, быстрым и сильным движением опрокидывает простреленной лопатой второй ком земли.

«Получается! — хладнокровно рассуждает Муравьёв. — Себя бы только не выказать...» И ещё думает о том, сколько же бросков лопаты потребуется, чтоб перекрыть двухметровую траншею стеной в человеческий рост. И ещё о том, что для каждого броска надо выбирать моменты между очередями. «Вроде как кошке с мышкой играть», — усмехается Муравьёв и, высунув лопату, мгновенно отдёргивает её, и очередь пуль ложится в пустую. Сразу после этого Муравьёв поддевает землю. «Только бы рукоять не перерезали!»

Метод Муравьёва — правильный. От поворота выдвигается, нарастая, кучка земли. Правда, высоко её пока не поднять — земля осыпается. «Надо прибавить её в длину, — по-

нимает Муравьёв, — а для этого самому уже можно немного выдвинуться вперёд, земля немного прикроет голову».

Ничком, лицом вплотную к земле, Муравьёв выдвигается чуть-чуть, кучка нарытой земли выше его головы всего лишь на несколько сантиметров. Но немцы понимают тактику Муравьёва, их пули сразу летят потоком — сплошным и безостановочным. Муравьёву кажется, что он чувствует их полёт затылком. Но ещё несколько сильных движений рукой — и земляная стенка удлинена, и следующие комья Муравьёв, извернувшись, кладёт ближе — на кучку, которую над самой его головой секут пули.

Муравьёв спокоен — он рассчитал точно. Немцы начинают бить разрывными, но насыпь выросла ещё вершка на три. Муравьёв может уже повернуться на бок, мелкие осколки стучат по каске. Можно выползти и вперёд ещё на полметра... Насыпь растёт, и у Муравьёва уже есть некоторая свобода движений...

Немцы понимают, что пулями теперь уже ничего не поделаешь — и в десяти метрах от Муравьёва разрывается мина. Вторая с воем перелетает траншею и падает ближе... Муравьёв стремительно отползает по траншее назад. Восемь мин разрывается по краям траншеи, но Муравьёв невредим. В ответ начинают работать наши ротные мино-

мёты, и разбитый вражеский миномёт умолкает...

Опять тишина, и Муравьёв на прежнем месте поспешно продолжает работу. Снова свистят пули, но за насыпью теперь можно сидеть, хоть и пригнув голову. Работа идёт быстрее, сильными взмахами лопаты Муравьёв вынимает землю со дна траншеи, взбрасывая её всё выше...

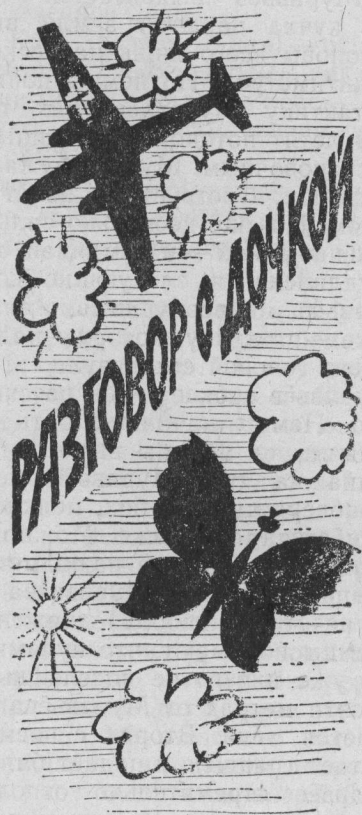
Немцы, осатанев, подтаскивают второй минсмёт, снова бьют минами, и Муравьёв отползает опять, зная, что пережить этот налёт ему придётся недолго. Наши рот-

ные миномёты сразу же отвечают минами, и над головой Муравьёва затевается пулемётная перестрелка. Вой, грохот разрывов, треск пулемётных очередей — а Муравьёв, быстро выкопав себе в стенке траншеи нишу, лежит в ней живой и невредимый и ждёт и хладнокровно раздумывает.

А что же это за доски попались ему под лопату, вот в этой нише? Роет глубже и видит, что доски лежат под землёй обрывком ровного пласта — крашенные рыжею краской доски, а под ними сросшиеся углом брёвна, но тоже, чуть

**Герман
ГОППЕ**

— А бабочки летали на войне?

— Кто, бабочки?

— Ну ясно, что не пули!

— Не помню, дочка.

По моей вине

Из памяти, должно быть,

Упорхнули.

Да, многое из памяти ушло,
Скорей всего,

и не коснулось даже.
Ни одного не выбрать,
как назло,
Красивого военного пейзажа.

Природа здесь, понятно, ни при чём.
Мы на неё смотрели деловито:
Болота —

значит, гати на плечо,
Болота нет —
и значит, фланг открытый.

Тревожно,
если ветки шелестят,
Ещё тревожней,
если слишком тихо.
В лесу осколки,
а не листопад.
На речку вышли —
вот где хватим лиха.

— И бабочку не видел?

— Нет, не смог.

Пришлось держать иное на прицеле.
...Тут бабочка уселась на цветок,
Чтоб мы её получше разглядели.

дальше, разбитые и расщеплённые. «Это — пол дома, нет сомнения — самый настоящий, погребённый под мёртвою землёй остаток пола. Неужели здесь когда-то был дом? Зачем было стоять дому в этой пустыне?»

Вражеские мины разрываются ближе, Муравьёв углубляет нишу и находит в ней несомненные следы человеческого жилья: вот — обломок ведра, вот — сломанная ручка от швейной машинки, вот — разбитая рамка со следами расплывшейся фотографии... Странные мысли занимают Муравьёва, но ему некогда думать об этом — вражеский миномёт опять умолкает и наши миномёты прекращают огонь. Можно работать дальше!

Муравьёв быстро-быстро выполняет к повороту, под свою насыпь, и его лопата взбрасывает комья сухой земли. Осталось немного. Траншея уже почти перекрыта, теперь главное — сделать перемычку повыше, чтоб создать бруствер. Резко копнув лопатой, Муравьёв натывается на жестяную дощечку, на которой выведены чёрные буквы: «№ 87. Дом Терентьева Ф. И.». И этот номер так поражает Муравьёва, что, механически продолжая рыть землю, он не может отделаться от мыслей: «Деревня, значит, была тут целая!.. Но как же так, наверху — ни приметины?.. Какая ж тут могла быть деревня?.. Ну да, конечно, фундаменты на строительство дорог разнесли, брёвна — на блиндажи, ну а ямины сравнялись с воронками!.. Что делают с русской землёй, сволочи!»

Муравьёв роет под свист пуль лопатой землю, а мысленно видит пожар, бушующий в не известной ему деревне, и фрицев, которые врываются в дома, убивая и грабя...

Ещё полчаса работы — и можно будет встать в рост!.. И он вкапывается в дно траншеи всё глубже. Лопата вдруг переламывает прелые прутья плетёной люльки и... тут Муравьёв прерывает движения... Этот льняной светлый клочок волос на маленьком черепе пере-

тянут уцелевшими остатками красного банта... Череп девочки пробит пулями...

Лоб Муравьёва сведён в морщины. Мрачный взор насуплен. Скрипнув зубами, он отворачивается и, взбешённый, негодующий, с невероятной энергией набрасывается на землю, на уже выросший над ним бруствер. Потом поворачивается, бросает комья земли на то, что лежит под ним — на труп расстрелянной девочки, — и снова работает, работает, пока перемычка не вырастает над ним стеной, одинаковой со стеною всей остальной траншеи... Слышит свист, но он даже не погибает. В сотне метров позади с глухим грохотом разрывается тяжёлый снаряд... Осколки секут воздух высоко над траншеей.

Муравьёв не сразу понимает, что это именно на него решили навалиться немцы своей дальнобойною артиллерией. Следующий снаряд ложится ближе. Муравьёв, опомнившись, в три прыжка достигает ниши, ложится в неё, и взрывная волна от третьего снаряда душит его едким газом, и, засыпанный ворохом земли, он едва успевает закрыть лицо руками... Он оглушён, он чувствует, что теряет сознание... Четвёртый снаряд ложится за перемычкой — в самой траншее, в том её отрезке, который стал теперь нейтральной зоной... «Хотели нарушить, а завалили совсем! Выходит, помогли мне!» — готов усмехнуться Муравьёв, но в его глазах вдруг темнеет и... больше он уже вообще ничего не помнит...

Опомнился он совсем в другом месте.

— Не беда, не беда, браток! Контузило малость! — внушительно говорит склонённый над ним санитар. — Водички хочешь?

Муравьёв молчит, мучительно вспоминая... Потом, жёстко глядя санитару в голубые глаза, требовательным тоном произносит:

— Принеси карту... Ну, понима-

ешь? У лейтенанта карту спроси...
Какая тут была деревня?

Подумав, что светлые чистые глаза санитар так же, как это чистое небо, не соответственны всему, что творится здесь, говорит ещё жёстче:

— У тебя дочка есть?

— Есть!— удивляется санитар.

— Живая?

Всем круглым простодушным лицом санитар улыбается:

— Живая!.. В Ижорах...

— Так близко?..

И, обращаясь скорее к самому себе, чем к санитару, выговаривает:

— Хорошо, что немцев туда не пустили.

Муравьёв закрывает глаза, и лицо его, измазанное землёй, сразу стало так неподвижно, что санитар, опасаясь, что солдат опять впадёт в забытё, торопливо спрашивает:

— А у тебя дочка есть?

— Есть,— не открывая глаз, отвечает Муравьёв.

— Живая?

Муравьёв медлит. Потом резко приподнимается на локтях и почти неприязненно глядит прямо в глаза санитару:

— В Луге... Вот дойдём мы туда... Узнаю!..

1943 год

Рис. Ю. Шабанова

Риза ХАЛИД

В самые тяжёлые блокадные дни к нам, защитникам Ленинграда, обратился с тёплыми словами поддержки замечательный казахский акын Джамбул Джабаев. Вот мой ответ, написанный в День Победы.

Струны твоей домбры

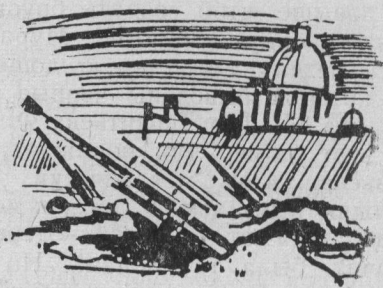
В суровый блокадный день
Прочёл на плакате я:
«Ленинградцы — дети мои,
Ленинградцы — гордость моя».

Сердцем своим в беде
Сквозь орудийный гул
Услышали мы тебя,
Старый акын Джамбул.

В стужу на злом ветру,
В грозном огне тех дней,
Ты любому из нас
Ближе стал и родней.

Будто бы солнце, в нас
Песня жила твоя:
«Ленинградцы — дети мои,
Ленинградцы — гордость моя».

Зорким и молодым
Взор был орлиный твой:
Видел ты из степей
Сполохи над Невой.

Песня живёт в сердцах,
Если сердца добры.
Слышали наш привет
Струны твоей домбры.

В чёрном кольце врага,
Спасая родимый кров,
Черпали силы мы
Из вдохновенных слов...

Когда мы вошли в рейхстаг,
Штыком нацарапал я:
«Ленинградцы — дети мои,
Ленинградцы — гордость моя».

Перевёл с крымско-татарского
Л. Хаустов

Рис. В. Топкова

Во все века были свои палачи и свои поэты. И были свои герои. Но мы знаем примеры в истории человечества, когда герой становился поэтом, а поэт был героем. И жизнь их для нас — вечна.

В нашем, двадцатом, веке таким поэтом-героем стал Муса Джалиль, советский татарский поэт, который родился за Волгой, а погиб в фашистском Берлине.

В столице фашистской Германии, Берлине, готовился к смерти пленённый поэт.

В тюремную камеру звуки с улицы не проникали. Только размеренные шаги охранников в коридоре да стоны тех, кого фашисты волюкли с допроса.

*Нет, врёшь, палач,
Не встану на колени,
Хоть брось в застенки,
Хоть продай в рабы! —*

Вписывал поэт мелкими буквами стихи в самодельный блокнот. И обречённые на гибель передавали их из камеры в камеру. Их переводили на русский, немецкий, польский... заучивали наизусть.

— Я бы на их месте сочинял прошение о помиловании, а они сочиняют стихи, — удивился офицер гестапо, когда ему положили на стол несколько мятых, исписанных лоскуточков бумаги. — Нам их не понять.

И действительно, ему было ИХ не понять.

Мрачное серое здание за кирпичной стеной — тюрьма Моабит находилась в районе улиц Ратеновер-

штрассе и Турмштрассе. Сюда, в тюремный двор, 29 апреля 1945 года ворвались передовые отряды 79-го стрелкового корпуса.

Во дворе тюрьмы было пусто, грязно. Ветер носил по воздуху кучи бумаг, выброшенные взрывом из тюремного здания. Внезапно на одной странице бойцы прочитали по-русски:

«Я, известный татарский поэт Муса Джалиль, заключён в Моабитскую тюрьму как пленный, которому предъявлены политические обвинения, и, наверно, буду скоро расстрелян. Если кому-нибудь из русских попадёт эта запись, пусть передадут от меня привет товарищам-писателям в Москву, сообщат семье».

Бойцы прорывались к рейхстагу. До Победы оставалось несколько дней, и каждое мгновение боя ускоряло её приход. Но они нашли время, чтобы собраться на митинг.

И поклялись отомстить за гибель поэта Джалиля.

«К другу, который умеет читать по-татарски.

Это написал известный татарский поэт Муса Джалиль... Он в

1942 году сражался на фронте и взят в плен. В плену испытал все ужасы, прошёл через сорок смертей, затем был привезён в Берлин. Здесь он был обвинён в участии в подпольной организации, в распространении советской пропаганды и заключён в тюрьму. Его приносят к смертной казни. Он умирает. Но у него останется 115 стихов, написанных в плену и в заточении. Он беспокоится за них. Поэтому он из 115 старался переписать хотя бы 60 стихотворений. Если эта книжечка попадёт в твои руки, аккуратно, внимательно перепиши их набело, сбереги их и после войны сообщи в Казань, выпусти их в свет как стихи погибшего поэта татарского народа. Таково моё завещание. Муса Джалиль. 1943. Декабрь».

Эту надпись Муса сделал на последней странице блокнота, а блокнот занимал меньше половины ладони. Джалиль сшил его из разных лоскутков бумаги, исписав мельчайшими буквами на родном языке.

Блокнот, рискуя жизнью, прятали в камерах. Из тюрьмы Моабит он попал во Францию. Был в партизанском отряде. Верные люди, боясь потерять, несколько раз переписывали стихи, заучивали наизусть — лишь бы сберечь, донести стихи до Победы.

Весной 1946 года этот блокнот лёг на стол в Союзе писателей Татарии.

Джалиль был уверен в Победе. И знал, что стихи, написанные в камере Моабита, дойдут до его Родины, станут оружием мира.

А о том, что строки поэта могут разить врагов, знал он с далёкого детства, с гражданской войны.

В апреле 1919 года колчаковские войска вплотную подошли к Оренбургу. На улицах рвались снаряды. В городе кончалось продовольствие. Рабочие встали под ружьё. Но белых было вчетверо больше.

У красноармейцев на счету был каждый патрон.

Однажды в редакцию газеты Туркестанского фронта, которая издавалась на татарском языке, вошли двое мальчишек — высокий и совсем маленький.

В редакционной комнате — накурено и тесно. Несколько человек в красноармейской форме шумно разговаривали с пожилым редактором, тоже одетым в военное.

Мальчишки, неуверенно переглядываясь, встали у дверей.

— Вам что нужно, мальчики? — спросил наконец редактор, прервав разговор.

Смущённо улыбаясь, один из них вытащил из-за пазухи несколько листков, исписанных по-татарски.

Редактор взял листки, хотел было их отложить, он торопился: не хватало материалов в номер, но всё-таки прочитал один листок, перечитал его снова и заинтересованно взглянул на мальчишек.

— Чьи это стихи?

— Вот его, — высокий показал на маленького?

— Его? — переспросил редактор.

— Мои, — смелея, согласился маленький.

— Товарищи, — громко сказал редактор, — слушайте, какие нам принесли замечательные стихи! — и начал:

*Если б саблю я взял, если б ринулся
с ней,
Красный фронт защищая, сметать
богачей,
Если б место нашлось мне в шеренге
друзей,
Если б саблей лихой я рубил
палачей...*

В комнате сразу замолчали. Стихи были полны взрослой энергии, их строки обжигали, звали на борьбу.

А редактор почти без паузы начал читать второе:

*Будь стойким, друг мой, до конца.
Уверен будь в себе.
Горят в нас дерзкие сердца,
Не уступи в борьбе.*

*Науку смерти постигай —
Тебе страшна ли смерть?
Желанью тёмному не дай
Твой разум одолеть...*

— Сколько тебе лет? — спросил редактор автора, дочитав стихи до конца.

— Тринадцать.

— А по виду не больше десяти... Первое мы ставим в номер немедленно, — сказал он уже не столько автору, сколько своим сотрудникам, — остальные напечатаем в ближайшие дни. Это как раз то боевое слово, которое мы искали.

Стихотворение появилось в газете на другой день. Под ним стояла подпись: «Маленький Джалиль».

За месяц большевистская газета Туркестанского фронта «Красная звезда» напечатала около десятка его стихов.

Так стихи тринадцатилетнего Мусы Джалиля стали оружием в гражданской войне.

Так татарский народ узнал, что у него появился новый поэт.

Зимой сорок первого года он окончил курсы политработников. Ему присвоили звание — старший политрук, но в действующую армию отправлять не спешили. Джалиль продолжал настаивать. Наконец в начале весны его отправили на Волховский фронт. Он стал военным корреспондентом армейской газеты «Отвага».

Редакция газеты помещалась в лесу, потому что домов в деревнях не осталось. Газету набирали и печатали в продуваемой морозным ветром палатке. Статьи писали рядом, сидя на пеньках.

Лес обстреливался фашистской артиллерией. Но на рвущиеся снаряды внимания не обращали, потому что спрятаться всё равно было негде. К снарядам привыкли.

Военкор Муса Джалиль на второй день после прибытия отправился на передовую добывать живой материал.

Об этом дне, точнее об этой но-

чи, вспоминает бывший воин Андрей Иванович Фёдоров.

РАССКАЗ А. И. ФЁДОРОВА О ТОМ, КАК МУСА ДЖАЛИЛЬ ВЫПОЛНИЛ ПЕРВОЕ РЕДАКЦИ- ОННОЕ ЗАДАНИЕ

«Я хорошо запомнил эту ночь с 6 на 7 апреля 1942 года — сырую, туманную. Промокшие до нитки, с головой зарываясь в подтаявший снег, мы вели жестокий бой южнее селения Мясной Бор с целью не дать фашистам замкнуть кольцо окружения. Потери мы несли большие, а фашисты бросали в бой всё новые и новые силы. Люди были измотаны до предела, несколько суток не спали, не видели горячей пищи, промокли, замёрзли.

Около трёх часов ночи немцы после короткого артиллерийского обстрела предприняли очередную атаку. Мы подпустили их поближе и встретили шквальным огнём. Немцы не выдержали, дрогнули, залегли, затем повернули обратно.

И в этот момент я увидел невысокого человека в дублёном полушубке и солдатской шапке-ушанке. Он выскочил из снежного окопчика и, размахивая автоматом, закричал:

— Рота, слушай мою команду! Вперёд, за Родину! Ура!

Человека этого я видел впервые.

У меня мелькнула мысль, что вот его настигнет пуля или осколок, потому что он бежал по заснеженному болоту совершенно один. Раздумывать было некогда. В этом бою был тяжело ранен наш командир взвода Матвеев, и командовать взводом стал я. Я вскочил на ноги и поднял взвод в контратаку. За нами поднялись и другие взводы (кто ещё уцелел). И откуда силы взялись! Только что казалось, что не в силах двинуть ни рукой, ни ногой.

На плечах отступавшего противника мы прорвали первую и вторую линии обороны фрицев, захватили три артиллерийские батареи и продовольственный склад...

Тут-то я и познакомился с человеком, поднявшим нас в атаку.

Откуда я узнал, что он — Муса Джалиль? Он сам представился. Сказал, что только что прибыл из политотдела армии, что фамилия его Джалилов Муса, что он взял на себя командование, так как вы-

был из строя командир роты. Дал указание занять оборону.

Мусу Джалилю видно было с первого взгляда — настоящий человек, настоящий политрук.

Однажды, осенью 1943 года, когда фашисты уже применили к Джалилю все способы пыток, но ничего не добились, с поэтом решил побеседовать сам шеф гестапо Мюллер.

Ахмет Симаев, московский журналист, соратник Джалиля по борьбе в фашистской неволе, тоже истерзанный пытками, во время коротких встреч с товарищами в тюремной бане рассказывал им эту историю. Скоро её узнали многие.

Для начала Джалиля несколько недель не допрашивали, чтобы сошли синяки и раны зарубцевались.

Из тюрьмы в гестапо его повезли в легковой машине. Сопровождающие эсэсовцы были предупредительны, как с важным гостем.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

КТО И ПОЧЕМУ ХОТЕЛ ОТМЕНИТЬ ДЕНЬ ПОБЕДЫ?

Недавно «Комсомольская правда» опубликовала на своих страницах письмо англичанина Дэвида Скелдинга, напечатанное ранее в английской газете «Гардиан». Письмо называется «Спасибо, Россия».

Вот его текст:

«Леди Янг, несомненно, считает, что те из нас, кто воевал, уже умерли или одряхлели, а те, кому ещё нет пятидесяти, готовы безоговорочно поверить в ту „историю“ второй мировой войны, которую преподносит Голливуд.

Я четыре года прослужил добровольцем в королевском военно-морском флоте, и у меня нет сомнений относительно того, кто на самом деле выиграл войну в Европе. И поэтому я с гордостью приму участие в праздновании Дня Победы, который учредили русские люди моего поколения, оставшиеся в живых во время фашистской агрессии 1941—1945 годов.

Я обязан своей свободой не Голливуду, а миллионам неизвестных погибших русских людей».

На первый взгляд, это письмо может показаться даже несколько странным. С кем, собственно, спорит его автор? Кому доказывает, что именно Советская страна внесла решающий вклад в разгром фашизма? Разве это нужно доказывать? Разве есть в мире люди, которые думают по-другому?

Оказывается, есть. Так, например, английский министр леди Янг заявила, что Англия не будет официально отмечать День Победы. Правда, потом, столк-

Следователь был новый. Предложив Джаилию сесть, вызвал молодого гестаповца и заказал два завтрака: для себя и для господина Джаилия. Гестаповец внёс два заставленных посудой подноса. Перед Джаилием поставили гуляш — настоящие ароматные кусочки мяса в соусе, жареный румяный картофель, горошек, тонкие ломтики хлеба. На тарелочке лежали также два бутерброда с ноздреватым сыром, и дымился кофе — возможно, самый лучший кофе в мире.

Джалиль, как ни старался смотреть мимо подноса, почувствовал головокружение.

— Что же вы медлите, завтракайте! — пригласил следователь, поддевая вилкой кусочки мяса. — Берите хлеб. Мне говорили, в России любую пищу заедают хлебом. Я ведь знаю, что вам давали утром в тюрьме, едой это не назовёшь. Завтракайте! Кстати, я посмотрел ваше дело и понял, что оно пост-

роено на недоразумении. Вы ешьте, ешьте!

Но Джаилиль продолжал отводить глаза от еды.

Следователь делал вид, что не замечает этого.

— Я уверен, что скоро добьюсь вашего освобождения и вы докажете нам свою искренность.

Джалиль усмехнулся — неужели они ещё надеются, что он согласится сотрудничать с ними?

— Почему вы не завтракаете? — наконец не сдержал раздражения следователь. — Или в тюрьме лучше кормят?

— Да, господин следователь, в тюрьме я хорошо позавтракал и сейчас не голоден, — ответил Джаилиль, по-прежнему не глядя на поднос с едой.

— Придётся пересмотреть нормы довольствия, если в тюрьме так сытно кормят. — Следователь вызвал гестаповца и кивнул на подносы. — Унесите это.

нувшись с возмущением многих и многих англичан, правительство было вынуждено пойти на попятную, пересмотреть своё решение. Но как говорится, слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. А леди Янг попросту вслух сказала о том, что очень хотелось бы осуществить и правителям из Вашингтона, и их союзникам по НАТО.

Те, кто стоит у власти в Соединённых Штатах и в странах НАТО, больше всего боялись, что все простые люди нашей планеты ещё раз увидят в дни празднования сорокалетия Победы, что именно Советский Союз был той главной силой, которая сокрушила фашизм.

И не только этого опасаются те, кто нынче опять угрожает нам оружием. Ведь в годы войны Советский Союз, Великобритания и Соединённые Штаты были союзниками, вместе боролись против общего врага. Значит, наши страны и сегодня могут найти общий язык, могут объединить свои усилия в борьбе против опасности новой войны, в поисках путей к прочному миру. Так говорим, так думаем мы — советские люди. Так говорят, так думают и многие-многие люди в других странах. Это-то и не по нутру тем, кому гонка вооружений, подготовка к новой войне приносит огромные прибыли. Вот почему и стараются деятели из Вашингтона и Лондона перекроить историю на свой лад, «подправить» её по своему усмотрению, скрыть правду.

Только напрасно стараются. Правду скрыть невозможно. И письмо простого англичанина, ветерана войны, написанное от всего сердца, с волнением и тревогой, — лишнее тому доказательство.

Рис. Л. Московского

А через несколько минут в кабинете появился человек, наводивший ужас на весь рейх, шеф гестапо Мюллер. Да, тот самый Мюллер, которого несколько десятилетий спустя опишет в романах Юлиан Семёнов и изобразит в фильмах артист Броневой. Но всё это потом.

— Отказался позавтракать, — виновато доложил следователь, кивнув на Джаилия.

— Продолжаете корчить героя? — Мюллер знал, что пытками от поэта ничего не добились. — Неужели вы надеетесь, что большевики простят вас?! Вы для них — обыкновенный предатель. Об этом пишут в русских газетах. Полюбуйтесь — эту вырезку мои люди приготовили специально для вас.

Мюллер протянул газетную вырезку Джаилию. В заметке говорилось, что группа казанских татар, которыми руководил политрук Джаилий, сдалась в плен и готовится воевать на стороне фашистов. «Позор подлым изменникам! Их ждёт заслуженная кара советского народа!» — так заканчивалась заметка.

— Надеюсь, познакоившись со статьёй, вы поняли, как поступят с вами на вашей родине? — Мюл-

лер посмотрел на поэта и неожиданно обнаружил, что тот смеётся.

— В следующий раз скажите своим людям, чтоб они искуснее готовили фальшивки. А заодно не печатали их на той же бумаге, что и «Фолькише беобахтер».

Лицо у следователя было растерянным, но Мюллер оставался спокойным.

— Ну хорошо, допустим, что я неудачно пошутил, а мои люди скверно сработали эту заметку. Но ведь это ничего не меняет: вы потеряли родину. В России вас казнят с позором. А мы можем подарить вам жизнь. А можем и казнить. Выбирайте. На вашем месте я бы выбрал жизнь.

— А я выбираю смерть, — Джаилий проговорил это негромко, но твёрдо.

— Но почему? — не сдержался Мюллер. — Что вас заставляет принять это решение? Мы можем договориться.

— Мы никогда не договоримся. Потому что вы — фашист, а я — коммунист.

Через час в той же машине и те же гестаповцы возвращали Джаилия в тюрьму. Теперь они предупредительны не были.

(Продолжение следует)

Рис. Л. Уральской

Этот рассказ родился из «Путевых записок войны». Так детская писательница Ирина Валериановна Карнаухова называла тетрадки — обыкновенные школьные тетрадки в линейку — с записями, зарисовками, заметками «на память». Писательница вела их все долгие и трудные военные годы.

В одной из первых тетрадок в ленинградском госпитале были сделаны Ириной Валериановной заметки о её работе, а потом появились документальные рассказы — «Как меня учили», «Три письма», «За валенок». Они были опубликованы в «Искорке» в феврале 1984 года.

«Папин мальчик» — тоже рассказ из «Путевых записок войны». А написан он по конкретному поводу: знакомство с малышом, которому вместе с другими ленинградскими детьми предстоял долгий путь в эвакуацию, в тыл страны.

Помню, каким бесконечно длинным казался нам, детям, этот путь... Поезд, паром по Волге и Каме, телеги, запряжённые лошадьми, и, наконец, маленькая заснеженная деревня, недалеко от города Краснокамска. Так детский лагерь Литературного фонда Ленинградского отделения Союза писателей, где воспитательницей вместе с другими мамами была и Ирина Валериановна, сберёг, а потом вернул, как говорится в «целости и сохранности», триста шестьдесят ленинградских ребятишек. Одним из них был Борька — герой рассказа «Папин мальчик».

Рассказ «Папин мальчик» передан мною в журнал «Искорка» из архива Ирины Валериановны Карнауховой.

Галина Карнаухова

К нам в вагон его внёс высокий капитан. Борька удобно примостился на его руке, прильнув к широкому плечу, и с высоты поглядывал на всех, копошащихся в вагоне, — в капитане было без малого два метра.

— Ну вот, — сказал капитан, сбрасывая рюкзак с плеч. — Вот вам Борька. Кому его сдать?

Татьяна Александровна подошла со списками, проверила возраст мальчика, предметы, адрес...

— Разрешите, я вам покажу, где что лежит, — сказал капитан. Он неуловимым движением передвинул Борьку под мышку, оттого мальчику, видимо, стало ещё удобней и ещё интересней, а обе руки капитана оказались свободными.

— Посмотрите, пожалуйста, внимательно, — строго сказал капитан. — Вот здесь штанишки нижние. Верхние — в этом отделении. Нижние вам понадобятся, наверное, скоро. На случай... гм-гм... аварии, вот здесь полотенчики, вазелин и присыпка. На случай более серьёзный... тут вата и одеколон. Вот вода с марганцем. — Большие белые руки спокойно разбирали мешок. — Кофточки. Тёплые вещи. Список вещей пришит к мешку. Сведения о болезнях в левом кармашке. Там же лекарства, которые могут понадобиться в дороге. Характеристика и сведения о привычках и нраве в правом кармашке. Всё.

Мы столпились вокруг капитана. Мы не могли оторвать глаз от его рюкзака. За последние часы мы видели множество вещей. Чемоданы, корзиночки, баулы, мешки раскрывали перед нами своё содержимое. И все они были похожи на свалку вещей после пожара. Наспех выбранные, кое-как положенные, облитые

слезами, вещи лежали в фантастическом беспорядке. Крохотные рубашонки — в резиновых ботах, плюшевый мишка — в мешке с сухариками, и плитка шоколада, затиснутая в карман меховой шубки, и полное отсутствие носовых платков и кипячёной воды...

Рюкзак Борьки, с топографической точностью разрезанный на тематические сегменты, казался островом порядка.

— Да... — вздохнул кто-то, — вот это порядок! Вот это мама!

— Что? Ах да, мама, — поддерживал капитан, и весёлая улыбка вдруг пробежала по его губам. — Конечно, конечно... — Он повесил рюкзак на крюк, развернул на скамейке тюфячок и клеёнку, накрыл их простынёй и посмотрел на часы: — Борька, — сказал он значительно, — двенадцать часов.

Миг — и Борька сидит на скамейке. И, как в сказке, на Борьку посыпалось:

Одеколон — вымыть руки.

Нагрудник — закрыть костюм.

Салфетка — на стол, молоко — в кружку, печенье — в руку.

Борька ел аккуратно, не спуская с отца восторженных, выпуклых от обожания глаз.

В вагоне было шумно, стоял разноголосый детский рёв. Мамы волновались, целовали, подбрасывали ре-

бят — слёзы матерей текли беззвучно. Воспитательницы, которые только вчера были инженерами, врачами, переводчицами, химиками или просто мамашами, тщетно старались навести порядок. А ведь и у них дрожали губы.

И восторженно жующий Борька, и спокойный капитан были, как уголок отдохновения.

По вагону пробежал проводник:

— Провожающие, выходите!

Шум усилился.

Вагон медленно пустел.

— Пора, Бориска, — сказал капитан.

На мгновение Борька прилип к груди отца. Большие белые руки обласкали, оцупали, запомнили каждый извив, каждую выпуклость маленького тёплого тельца. Потом капитан посадил Борьку на скамейку, звонко щёлкнул каблуками и чётким шагом вышел из вагона.

Поезд вздрогнул и как бы нехотя отошёл от перрона. Десятки глаз, залитых слезами, следили за тем вагоном, где увозили их любимых, единственных...

Капитан стоял, вытянувшись как на параде, и отдавал честь детскому поезду. Лицо его было неподвижно.

Татьяна Александровна старалась улыбаться — надо показать матерям, что в вагоне всё хорошо и спокойно.

Перрон удалялся.

И вдруг капитан сорвался с места и побежал за поездом. Он бежал, не отнимая руки от фуражки, не спуская глаз с вагона.

Он бежал всё быстрее и быстрее...

Перрон кончился. Поезд набирал скорость.

Капитан соскочил с платформы и побежал дальше. Большими прыжками спортсмена и воина он перепрыгивал со шпалы на шпалу и, казалось, сейчас схватит, задержит, остановит поезд...

Слёзы брызнули из глаз Татьяны Александровны.

Борька орал. Он набирал полные лёгкие воздуха и выпускал его пронзительным, жалобным, душеразди-

рающим воплем. Он яростно отбивался и не давал себя ни переодеть, ни утешить. Мы уже рассовали в другие кричащие, сведённые горем рты немало шоколаду, переменили десятки трусов, проделали по коридору вагона с малышами километры и многих «безмамных» ребят заставили заснуть. И только пронзительный Борькин вопль нарушал тишину. Ни шоколад, ни картинки, ни песенки на него не действовали.

Мы растерялись.

И вдруг вопль оборвался. Голубые его глаза ослепительно засияли: в дверях стоял проводник. Это был обыкновенный, ничем не привлекательный проводник. У него не было ни блестящих пуговиц, ни пёстрой галереи значков, ни серебряного свистка. Его лицо не выражало ни горячей любви к детям, ни глубокой заинтересованности Борькой. И всё-таки, не успел он подойти к Борису, как тот замолчал.

— Что ты кричишь? — сурово спросил проводник. — В общественном вагоне?

Старик взял его на руки, неодобрительно покачал головой и неловко вытер лицо...

Через пять минут Борька спал крепким сном.

Утром нас разбудил всё тот же Борькин вопль. Малыш кричал настойчиво, грозно, требовательно и колотил пятками по скамейке. Умыться он не хотел, одеваться отказался. Ни крылышко курицы, ни молоко, ни печенье его не прельщали. И только появление проводника прекратило его крики и плач. Тот, сурово ворча, накрошил печенье в молоко и сунул чашку Борьке. Борька съел чудовищную порцию, не сводя глаз с седоусого яди, и стал мирно играть своими пуговицами.

— Ну и ну, — вздохнула Татьяна Александровна.

Кто-то догадался:

— А характеристика — в правом кармашке?

Эта странная характеристика началась такими словами: «Борька не

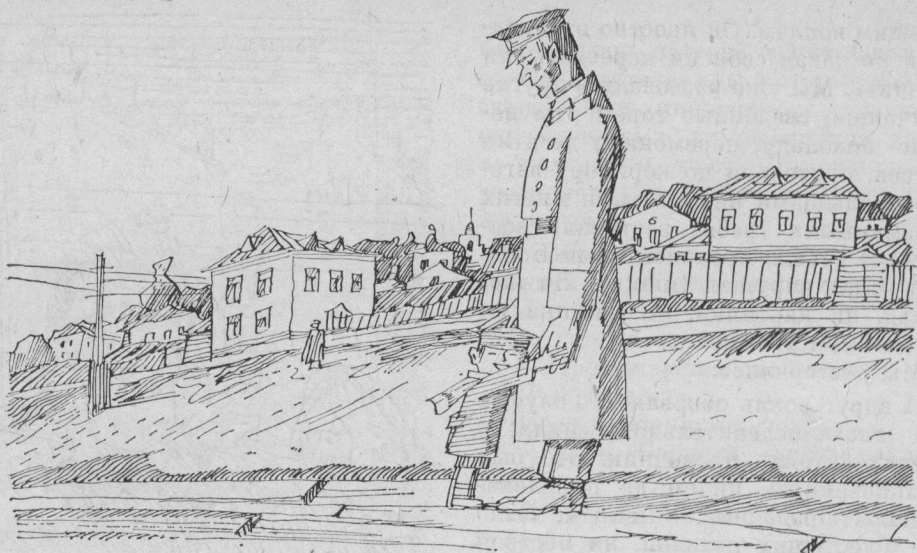
любит женщин. Он вырос на руках у мужчины и признаёт только мужскую дружбу». И дальше было подробно рассказано, как рос и воспитывался отцом этот «папин мальчик».

— Да-а, — протянула Татьяна Александровна, — всё теперь понятно. Но во всём эшелоне, кроме этого проводника, который вернётся вместе с поездом, нет ни одного мужчины.

И мы опустили головы, сконфуженные тем, что мы только женщины и ничем не можем помочь Борьке.

Мы шли по улицам чужого города с ребятами на руках. На душе было тяжело. На сколько времени суждено этому маленькому городу заменить нам родной Ленинград? Вот этот мостик должен заменить мне Новую Голландию, а эта церквушка — Исаакиевский собор, скромная речка — многоводную красавицу Неву...

Однажды шли мы с детьми в баню. Борька сидел на руках у Татьяны Александровны. Он уже не кричал, но хмурил свой выпуклый лоб и недовольно ворчал. Нести его было тяжело, и вдруг он с силой рванулся, соскочил на землю и бросился бежать вперёд — навстречу ему шёл высокий военный. Борька добежал

до него, с разбегу уткнулся лицом в его колени и, обняв его ноги, залепетал:

— Папа! Папа? Пап...

Лейтенант ошеломлённо остановился, застыл, боясь раздавить это маленькое существо, судорожно обхватившее его ноги. Растерянно посмотрел по сторонам, ожидая нашей помощи.

Подбежала Татьяна Александровна:

— Наверно, принял за папу... Вы извините... Боренька, пойдём.

Но Боренька и не думал уходить. Сияющие глаза его с обожанием смотрели на командира.

— Не надо, — сказал тот, осторожно отводя руки Татьяны Александровны. — Пойдём, сынок. Вам куда? В баню?

В бане Борька вёл себя спокойно, хотя два, а может быть, и три часа прошло, пока мы перемыли всех ребятшек. При выходе из бани Борька снова вздрогнул и забился на руках — у двери стоял лейтенант и окурки у его ног красноречиво говорили о нетерпении.

Он молча взял Борьку из рук Татьяны Александровны, молча при-

жал его головку к своей щеке. Он не сдал его у дверей, он не спустил его с рук в передней. И никто не посмел его остановить, когда он твёрдым шагом прошёл в детскую спальню. Он сам раздел Борьку, сам уложил его в постель, сам напоил молоком.

Когда через час Татьяна Александровна вошла в комнату, Борька блаженно спал и улыбка не сходила с его пухлых губ. Положив руку на одеяло, неподвижно сидел лейтенант. Борька крепко держал его за палец. Осторожно высвободив руку, командир потянулся, выпрямил плечи. Он снял с гимнастёрки значок ГТО и протянул его Татьяне Александровне:

— Отдайте Борьке завтра. А я ночью — на фронт.

И пока Татьяна Александровна, нагнувшись, прикрепляла значок к курточке Борьки, командир вышел из комнаты.

Мы не знаем его фамилии... Но не чужие люди встретили нас за стенами маленького далёкого городка.

*Из путевого блокнота.
Сентябрь. 1941 год*

Рис. Г. Ясинского

Два стихотворения

ПОБЕДА

*И марши. И речи. И музыка снова.
Знамена и флаг над окном голубым.
Победа! — как нравилось нам это слово
И смыслом великим и складом своим.*

*Вот «п» уберу — и «обеда» звучало,
А нам после голода это как раз.
Откинули «о» — так «беда» не пугала.
Победа беду победила сейчас.*

*Но далее, далее... «б» отнимаем,
И что в результате осталось? — «Еда»!
А есть нам хотелось и в праздничном мае.
Мы «е» опускаем — останется «да»!*

*Да, солнце! Мы щуримся в классе от света.
Медаль у директора школы блестит.
— Победа! — кричит мой сосед-непоседа
И хлебной горбушкой отлично хрустит.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Работали и пели вдохновенно —
Латали стены, разбирали хлам.
Шло возрожденье медленно, но верно,
А жизнь быстрее возвращалась к нам.*

*Взлетели кони вновь на пьедесталы
По сторонам Аничкова моста.
Скульптуры в Летнем из земли восстали,
Заняв свои прекрасные места.*

*И в Эрмитаже, залечившем раны,
Приветствуя победную весну,
Картины возвращались точно в рамы,
Висевшие с табличками в войну.*

*Пленяли чайки вольностью полёта
В сиянье мирных голубых стихий...
Быть может, незаметно для кого-то,
Но в город возвращались и... стихи!*

*Когда был снят чехол защитный, грубый,
Шпиль засверкал, и с ним строка пришла —
Взволнованно её шептали губы:
«...Светла
Адмиралтейская игла...»*

Рис. Л. Коломейцевой

Д. Аль

КНИГОЛЮБЫ

(из записок военного переводчика)

Мы оставляли город. Там, позади, в окопах, открытых вдоль берега Луги, ещё держал оборону один из полков нашей дивизии.

Город горел. Полуторка, на подножке которой я ехал, держась за дверцу, медленно ползла по горящей улице. Воздух был насыщен зноем. Порой казалось, что мы находимся в топке большой печи, набитой сухими дровами. Трещали пылающие деревянные дома. Доносился треск пулёмных очередей.

В небе то и дело рвалась шрапнель, и в его синеве то тут, то там растекались кляксы разноцветных чернил — красных, жёлтых, бело-голубых...

Наша полуторка плыла в самом конце потока беженцев. Машина принадлежала штабу полка. Везли на ней в тыл полковое имущество. Сопровождал его адъютант командира полка — лихой и шумный старший лейтенант Ковригин. Ему подчинялись шофёр Вася и два бойца, ехавшие в кузове.

Старший лейтенант стоял на подножке справа от кабины и то и дело покрикивал:

— А ну примите в сторону! Дорогу! Дорогу! Гуди, Вася! Гуди!

Для меня, конечно, нашлось бы место и в кузове. Но стоя на подножке, я, как мне казалось, выглядел более значительным, более деловым, что ли... А это было для меня важно. По должности я был переводчиком штаба дивизии. Но ни

пленных, ни трофейных документов в дивизии пока не было и делать мне было нечего. От этого и было неловко. Я то и дело напрашивался на какие-нибудь поручения. Вот и сегодня отвозил пакет из штаба дивизии в штаб полка и теперь возвращался на попутной машине.

Мы приблизились к двухэтажному каменному зданию городской библиотеки. Огонь не затронул его. Я не раз бывал в ней, пока дивизия стояла в городе. Сейчас входная дверь библиотеки была распахнута — перед ней, на панели, стояла подвода, запряжённая маленькой рыжей лошадкой. Библиотекари — пожилая заведующая и две молоденькие девушки — увязывали нагруженный книгами воз.

Я попросил Ковригина остановиться, соскочил с подножки и подошёл к библиотекарям попрощаться.

— Вот эвакуируемся, — сокрушённо качая головой, сказала заведующая и заплакала. — Может быть, вы, товарищ командир, увезёте на машине хоть сколько-нибудь книг? — обратилась она к Ковригину. — У нас всего одна подвода... Да и куда везти книги — не знаем. Вашим бойцам будет что почитать... А здесь книги пропадут. Сожгут их фашисты.

— Со всем бы удовольствием, — сказал Ковригин, — но в данный момент не можем. Срочно надо доставить полковое хозяйство.

— Есть идея, — сказал я. — Вы, товарищи, поезжайте, а как разгрузитесь и заправите машину, сюда за мной подскочите. А я, пока вы туда-сюда гоняете, пошурю в библиотеке. Отберу подходящие для нас книги. Отвезём их потом в политотдел.

— А что, верно! Кроме «спасибо» нам за это ничего не скажут, — поддержал меня один из красноармейцев.

Женщины вопрошающе смотрели на Ковригина.

— Ладно, — сказал тот. — Оставайся, Данилов. Через полчаса мы за тобой вернёмся... Смотри, много не набирай. Трогай, Вася!

Ковригин вскочил на «мою» левую подножку. Вася дал сигнал, и машина укатила. Я помог женщинам увязать книги на возу, пожелал счастливого пути — и подвода тоже тронулась в путь.

Пулей взлетел я по лестнице на второй этаж и вошёл в большой зал, уставленный стеллажами с книгами.

Здесь всё было по-прежнему.

Хорошо помню, что в первые минуты я ещё отчётливо слышал звуки, доносившиеся с улицы — крики людей, лай собак... Доносились и звуки боя, что шёл у реки. Очереди пулемётов слышались то громче, то тише. Где-то совсем близко, в саду за библиотечным зданием, бухнул снаряд.

Я вошёл в пространство между двумя стеллажами и оказался «дома» — будто попал в родные стены библиотеки истфака. С корешков книг на меня смотрели такие знаемые имена — Карамзин, Соловьёв, Ключевский... А вот и книги моих учителей — академиков Грекова, Струве, Тарле...

Погрузившись в раздумья, навеянные неожиданной встречей с такими знакомыми и такими дорогими мне именами, я то ли перестал обращать внимание на шумы улицы, на звуки боя, доносившиеся от реки, то ли и в самом деле кругом стало тише...

Так или иначе я спокойно повернулся к стеллажу, что был за моей

спиной, и увидел полку, плотно уставленную строем серых корешков — это были издания серии «Жизнь замечательных людей», начавшей выходить лет за восемь до того, как началась война. Читать имена на корешках было мне в тот момент и радостно, и больно. Радостно — как бывает при встрече на трудном пути со старыми и верными друзьями. Больно — при мысли, что эти книги останутся здесь, что не сегодня завтра полетят в костёр, разожжённый фашистами. «Какие они все разные — люди, носившие и прославившие эти имена, — думал я. — Ломоносов и Марк Твен, Марат и Чехов, Байрон и Эдисон, Суворов и Колумб, Пушкин и Амундсен... Вот он — интернационал великих! Какими жалкими выглядят рядом с этими именами всевозможные расовые, националистические, шовинистические «теории» фашистов! Книги об этих людях фашисты сожгут. Все до одной. В том числе книги о великих немцах. В костёр полетят и Бетховен, и Гейне, и Гутенберг... Нет! Не бывать этому! Их надо спасти! Каждая из этих книг будет бить по фашизму!

Я решил в несколько приёмов отнести «замечательных людей» вниз, к входной двери, и тут же приступил к делу. Втиснув ладони между переплётками и зажав книг двадцать, я осторожно, чтобы не рассыпать, вытянул их с полки. И тут, в образовавшееся «окно», я увидел нечто такое неожиданное, страшное и невозможное, что на какую-то долю секунды оцепенел и замер, ещё сильнее сжав книги, лёгшие мне на грудь.

В следующем проходе между стеллажами, вполоборота к противоположным полкам, стоял немецкий офицер. Он спокойно рассматривал снятую с полки книгу. Прямо перед собой я видел чёрный околыш его фуражки над тёмным стриженным затылком. Видел его розовое ухо, дужку роговых очков и белый ви-той погон лейтенанта.

Немец был погружён в своё занятие и явно не замечал ничего настоящего.

Подчиняясь какому-то безотчётному инстинкту — сообразить я ещё ничего не успел, — я присел и бесшумно опустил книги на пол. Руки мои были теперь свободны. Сидя на корточках и сдерживая дыхание, я расстегнул кобуру и взял в руки пистолет. Вихрь мыслей пронёсся в моей голове: «Как попал сюда этот немец? Неужели все наши уже отошли и немцы заняли город?! Почему я не слышал, как он вошёл и подошёл к полкам с книгами? И что делать мне теперь?»

Первым побуждением было воспользоваться своим преимуществом — в моей руке снятый с предохранителя пистолет ТТ, а у «фрица» в руках — книга. Стоит мне вытянуть руку, и я смогу уложить его. А там уж придётся каким-нибудь способом пробиваться к своим...

Так я думаю. Но не встаю. Не могу встать. Я боюсь. Не его боюсь, себя. Я не уверен... вернее, я уверен, что не смогу выстрелить как бы из-за угла в спину человеку, читающему книгу. Я знаю, что обязан это сделать, но не смогу.

...Сделаю здесь небольшое отступ-

ление. Напомню, что всё это происходило в самые первые месяцы войны. В газетах, правда, уже не раз сообщалось о зверствах фашистов в оккупированных ими странах и в наших городах и деревнях. Но своими глазами наши отходившие на восток бойцы этих зверств ещё не видели. Не видели ещё даже в кинохронике. Немало ещё было иллюзий, вроде — одно дело фашисты, а другое — солдаты и офицеры вермахта, люди, обманутые фашистской пропагандой, а то и враждебные гитлеровской банде.

По всему поэтому — не особенно, вообще-то, рассуждая, — но всё же по всему поэтому, я принял решение: взять немца в плен.

Разом поднявшись, я навёл на немца пистолет и гаркнул:

— Хенде хох!!!

Немец резко повернулся и послушно поднял руки. В правой руке у него так и осталась книга.

На меня смотрело лицо молодого «очкарика». В глазах его застыли удивление и испуг. Но при этом он улыбался.

— Гутен таг, — сказал он.

— Руки, руки! — грозно повторил я, заметив, что немец согнул руки в локтях.

— Понимаешь ли ты по-немецки? — спросил он вполне дружелюбным тоном.

— Знаю ваш язык. Хорошо знаю, — ответил я. — Вот и слушай мою команду: вынимай пистолет и клади сюда, на полку, рукояткой в мою сторону. Малейшая попытка повернуть ствол в мою сторону — и я стреляю.

— Стрелять не советую — внизу наши солдаты. Они разом будут здесь и будут делать «пиф-паф». Сдавайся лучше в плен, — продолжал он. — С тобой будут хорошо обращаться. Я скажу командиру полка, что ты сдался сам, по доброй воле.

— Не пугай, — сказал я твёрдо. — Отвечай: как сюда попал?

— О-ля-ля! Очень просто. Ваши ещё держались там, у реки, а рота нашего полка переправилась в город

севернее. Командир послал меня с этой ротой как переводчика. Мы пришли сюда оттуда, — он кивнул головой в сторону сада. — Ваших там уже не было. А я пришёл сюда, потому что очень люблю книги.

— Когда это было?

— О! Минут десять назад... Ну хорошо, — сказал он, перестав улыбаться. — Хватит болтать. Сдавайся и пошли вниз. Я буду тебе помогать. Получишь хороший обед... У меня руки устали. Теперь свои поднимай и выходи на улицу.

— Дурак ты, парень, — сказал я, искренне удивляясь его наивности. — Неужели ты не знаешь, что бойцы и командиры Красной Армии в плен не сдаются?!

— Сдаются, — ответил он. — В безвыходном положении, те, кто поумнее, — те сдаются. Есть у вас дураки и фанатики. Таким, конечно, кают. Но ты же культурный парень, я вижу, ты тоже любишь книги.

— Книги я люблю. Только не все. А такую мерзость, как ваш «Майн кампф», или тому подобную дрянь — за книги не считаю.

— Я тоже не в восторге от этой книги. Но во многом фюрер оказался прав. Во всяком случае, под его руководством Германия поднялась из праха и побеждает. Всех побеждает. И вас — тоже.

Это заявление немца меня взорвало. «Враг, самый настоящий враг. Закоренелый гитлеровский последыш...»

— Ну вот что, — сказал я твёрдо. — Клади оружие, фашист, или пара пуль тебе обеспечена. Считаю до трёх. Раз, — произнёс я. — Два...

И в этот момент на улице, со стороны сада, под самым окном разорвалась мина. Немец охнул, схватился руками за голову и присел.

Не теряя ни секунды, я вбежал в проход между стеллажами, где он находился, навалился на него сверху и ударил рукояткой пистолета по голове. Он повалился на бок.

Переложив парабеллум в свой карман и заткнув ТТ под ремень, я отстегнул его пояс и связал немцу ноги. Потом я переложил в свой карман его записную книжку и две запасные обоймы к парабеллуму. Скомкав два носовых платка — его и свой, — я забил ему в рот хороший кляп.

Теперь я мог прислушиваться к происходившему вокруг. Я вышел из книгохранилища на лестничную площадку и посмотрел на улицу.

Ружейно-пулемётная стрельба со стороны реки быстро нарастала и приближалась. Отдельные, хотя и более редкие очереди слышались и с

востока, с той стороны, куда ушли наши части.

Бой шёл где-то совсем близко. Я увидел двух немецких солдат, тащивших тяжёлый пулемёт. Они установили его прямо посреди улицы, разлеглись за его щитком и приготовились к стрельбе. Я хорошо видел сверху их спины, раскинутые ноги в сапогах-ведёрках, подошвы которых, словно четыре жирные рыбы, блестели чешуёй широких гвоздевых шляпок.

Загремели выстрелы. Я услышал «ура!». Немецкий пулемётчик отки-

нул затвор и поставил пальцы на гашетку. В тот же миг я нажал на спуск парабеллума. Пулемётчик дёрнулся и уронил голову.

На улице показалась беспорядочно бегущая толпа немецких солдат. Некоторые из них падали, скошенные пулями. Другие на мгновение останавливались, чтобы дать очередь: туда, назад, в своих преследователей. Я понял — через город пробивается к своим наш полк, прикрывавший отход дивизии.

Я высунулся из окна и посылая в фашистов пулю за пулей. Один из них заметил меня, поднял автомат и полоснул по окнам второго этажа библиотеки. Я успел вовремя броситься на пол.

Поднявшись снова к окну, я увидел, что стрелявший в меня фашист, раскинув руки, лежит на мостовой, а возле него стоит Ковригин, размахивая немецким автоматом. Голова Ковригина была перевязана, а его фуражка, сбита на самый затылок, держалась на ремешке.

— Данилов! Санька! Жив? — хрипло кричал Ковригин.

— Жив я, ребята, жив! У меня тут пленный. Давайте сюда.

Ковригин и два красноармейца кинулись в дом.

— Ну ты даёшь, переводчик! — сказал Ковригин, вытаскивая немца из-под стеллажа. — Гляди-ка, ребята, лейтенант! Тебе за него, Данилов, орден дадут... А ну, шагом марш! —

**ПРОЧИ
ЭТУ
КНИГУ**

Принято говорить, что человек может прожить в своей жизни несколько жизней. Если это так, то у Вадима Инфантьева — автора книги, которую Искорка советует тебе прочитать, — их было четыре. Первая — довоенная. Он

родился и вырос на Волге, приехал в Ленинград и поступил в институт. Вторая жизнь — солдат Великой Отечественной войны. Гитлеровские полчища рвались к Ленинграду, и сержант Вадим Инфантьев стал зенитчиком. Третья — жизнь моряка-подводника. Уже после войны он окончил Военно-морское инженерное училище и несколько лет плавал на подводных лодках. Четвёртая — писательская. Вадим Инфантьев написал много книг и среди них — повести и рассказы о Великой Отечественной войне и морской службе.

В книге «Подводники» (она вышла уже после смерти автора) собраны его рассказы и очерки о подводных лодках и моряках-подводниках. «Вихрь свободы» — о героях-подводниках времён гражданской войны. «Из пепла и ржав-

скомандовал Ковригин пленному, стукнув его для ясности ребром ладони по шее.

— Ребята, а как же книги? Вот я тут отобрал... Про замечательных людей!

— Мы сами — замечательные люди, — уверенно заявил Ковригин.

— Айда!

Я захихал под гимнастёрку и взял под мышку несколько первых попавших под руку томов и побежал вслед за своими.

...Машина тронулась и понеслась на предельной скорости. Пленный сидел с кляпом во рту и со связанными за спиной руками, прислонясь плечом к правому борту.

— Ну что? Видишь, как вышло?! — сказал я ему. — А ты требовал, чтобы я тебе в плен сдался.

Я вытащил у него кляп изо рта.

— Не повезло мне, — вздохнул он. — Скоро наша победа, а меня расстреляют...

— Будешь вести себя разумно — не расстреляют, — сказал я. — А насчёт вашей победы — ей не бывать! Через недельку мы вас остановим по всему фронту. А ещё через неделю-другую погоним вспять. Месяца через три-четыре будем в Берлине. Это я тебе крайний срок называю!

Пленный усмехнулся:

— Через неделю вермахт будет в Ленинграде. Ещё через месяц падёт

Москва. И тогда всё. «Русланд капут».

— Чего он там брешет? — спросил Ковригин, ехавший на подножке.

Я не стал переводить ему то, что сказал немец, а махнул рукой и прекратил этот бессмысленный спор.

Машина наша ехала быстро. Наконец мы проскочили мост через реку Воронку. На восточном её берегу возводился новый рубеж обороны. И справа и слева от моста, насколько мог видеть глаз, шли работы — рыли окопы, строили блиндажи и оружейные позиции, слышались голоса команд, звенели пилы, стучали топоры.

Немец снова ухмыльнулся:

— Такая речушка! На полчаса боя.

...Посмотреть на пленного немецкого офицера к штабу дивизии сбегалось человек тридцать. Через несколько минут Ковригин и я стояли перед командиром дивизии — генералом Любавиным. Здесь же в блиндаже находились комиссар дивизии и начальник штаба.

Ковригин кратко доложил обстоятельства нашей задержки возле библиотеки. Свой доклад он закончил словами:

— Как хотите, товарищ генерал, а за этот подвиг Данилову следует медаль выдать.

— Что ж, пожалуй, — согласился

чины», «Шаги пятилеток» — о создании нового, технически высокооснащённого советского подводного флота. «Годы

больших испытаний и великих побед», самый большой раздел книги, — рассказы о Великой Отечественной войне. «В глубинах мирового океана» — об атомном подводном флоте нашей страны.

Вот уже сорок лет мирно трудится наш народ, но мир нужно охранять, потому и несут дозор моряки-подводники, властелины океанских глубин.

Книга вышла в 1984 году в издательстве «Детская литература» в серии «Морская слава».

комиссар. — Немец вроде бы полезный.

— Доложите сами, как было дело, Данилов, — приказал генерал.

Я рассказал всё в подробностях, не утаив ничего о своих колебаниях — стрелять в немца или не стрелять.

Генерал взглянул на меня исподлобья и сказал:

— О награде речи не может быть. Ты, Данилов, не солдат, а кисельная барышня (он так и сказал — кисельная). Следовало бы разжаловать тебя из младших лейтенантов в рядовые... Не дорос ты до звания командира. И какая война идёт — ты ещё недопонял... Но то, что ты важного «языка» добыл, — это в твою пользу. Зови сюда этого «книголюба». Сейчас мы его допросим как положено... А ты, комиссар, займись с этим Даниловым. Просвети ему мозги.

* * *

История рассудила мой спор с лейтенантом вермахта Отто Краузе — как звали этого гитлеровского вояку.

Как известно, мы оба оказались весьма наивными и оба ошиблись. Не вошли немцы в Ленинград ни через неделю, ни через три недели, ни через три года... И мы тоже не оказались в Берлине через два-четыре месяца. Мы пришли туда только через четыре долгих года. Я ошибался в сроках, но был прав исторически. Не могли фашисты победить нас. И Ленинграда взять не могли.

И через маленькую речку Воронку немцам не суждено было переправиться. На её берегу войска вермахта были остановлены намертво, навсегда.

Мы не могли не победить в той войне. История знает, что делает!

Не знаю, жив ли ещё бывший лейтенант вермахта Отто Краузе. Иногда я ловлю себя на мысли: хорошо бы его сейчас встретить и спросить: ну что, «дурья башка», понял теперь, кто был прав?

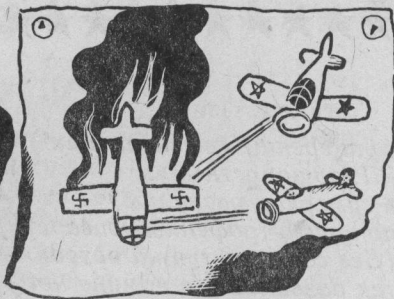
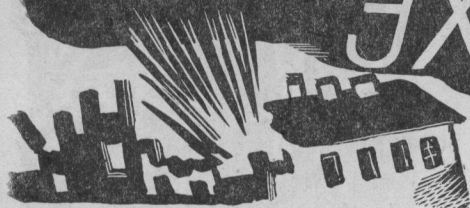
Сам я после войны поступил на службу в библиотеку. Проработал в ней всю жизнь. И почём знать — не сыграл ли в этом свою роль случай, о котором я сейчас здесь рассказал?

Рис. Ю. Шабанова

Леонид Агеев

ЖЕСТОКОЕ ЭХО

ВОЙНЫ

ПЕРЕРОСТКИ

В нашем третьем «б» послевоенном,
«на Камчатке» у окна во двор,
возвышались Тимофей с Матвеем —
локоть к локтю и к вихру вихор.

Переростки.

Старше года на три,
чем «нормальные» ученики.

Инвалиды...

На высокой парте —

три руки,
под партой —

три ноги...

Костыли в углу — возле Матвея.
У Тимохи

голова белая,
шрам ожога — розовый — на шее,
порохом чернённая скула...

Третий «б» поры послевоенной:

три десятка стриженных голов,
по велению строгой гигиены —
«ёжиком», «под бокс» и наголо.

Тридцать:

матерями «усечённых»
гимнастёрок в обручах ремней,
«сухопутных» кителей — зелёных,
тёмно-синих — флотских — кителей.

Мода:

чтобы сумка полевая,

офицерский (высший шик!) планишет.
«Плод запретный»:
в сумерках развалин
покурить трофейных сигарет.
(Бег сорокалетия на исходе —
тех развалин и в помине нет.)
...Самый сильный в классе — верховодит,
за способнейшим — авторитет.
Кто-то был активней и речистей,
кто-то расторопней и ловчей.
Тимофей упорней всех учился,
самым сильным в классе был Матвей.
Но не это главным оказалось,
но иное светит сквозь года!
До сих пор свою былую зависть
к ним

переживаю иногда:
как они умели веселиться,
как они умели хохотать!
Давними салютами их лица
вспыхивают в памяти опять!
Радовались — тем уже счастливы,
что дотла не выжжены с земли,
что — перекорёженные — живы,
из лавины огненной ушли,
заново

неповторимым Маем
рождены под солнечным крылом!..
(Это мы тогда —

не понимаем,
это мы потом уже
поймём...)

ОСКОЛОК

Я лестницу свою не узнаю подчас:
исправно лифт урчит...

ни грязи, ни окурка...
Она ли передразнивала нас
когда-то,

осыпаясь штукатуркой?!
Бывало, крикнет друг:

— Агей! Айда гулять!
Кончай, пижон, зубрить! На лыжах
полетаем! —

А лестница в ответ:

— ...опять?.. опять?!

дурить... дурить... лентяи... ух!.. лентяи!..

Гудел пустой пролёт.

Сочился скудный свет

из окон, тут и там залатанных фанерой.

...Когда же поднимался мой сосед

в шинели отставного офицера,

я слышал на своём последнем этаже,

как он уже на первом задыхался...

И саднило в мальчишеской душе,

и вздрагивало что-то в ней и гасло...

Он первым был —

в наш дом вернувшимся с войны,

в наградах

и на вид — здоровый абсолютно,

задолго до победной той Весны,

до самого могучего Салюта.

Его между собой мы звали — Генерал.

Он весел был и добр, и мастер на все руки

И нас во всём «железно» понимал —

дружили с ним мальчишки всей округи.

...Шли дни. И годы шли — вставали в строй
вдали.

Увидеть мне пришлось в один из полдней
зимних:

соседа к «неотложке» пронесли
от нашего подъезда на носилках.

Затих сирены крик. Застыла тишина...

А через день наш дом накупился в печали:

«...Лежал под сердцем... Ждал... Война,
война!...»

И головами взрослые качали...

Под тёмною сосной,

над тёмной пустотой

лежал «наш Генерал» в погонах капитана.

Прощально снег кружился негустой,

ложился на лицо его, не тая.

Медалей — два ряда.

Один ряд — орденов...

Была ли среди них на бархатной подушке

награда за последний из боёв,

за взятие безвестной деревушки?

Где рота ночью в тыл эсэсовцам зашла,

где «разговор» с врагом был страшен

и недолог,

где мина дело смерти начала,

осколок...

Будь он проклят, тот осколок!..

НА ТОРФОРАЗРАБОТКАХ

На обед припозднившийся что-то,
на немой поварихин вопрос,
«Танк нашёл я... Тащил из болота...—
кепку сняв,
тракторист произнёс.—

Наш...»

И слышимым стало жуужжанье
мух лесных над дощатым столом.
Пёс, дремавший под кочкою ржавой,
вскинул рыжие уши торчком.
Тракторист сигарету нашарил
и замшелой седой головой
покачал над остывшими щами:

«Трос порвал...

Трактор нужен второй...»

...Военком не заметил рассвета,
на столе его — памяти свет:
рядом — три комсомольских билета,
во главе их — партийный билет.
Экипаж...

Разобрались отделы
в горькой тайне расплывшихся строк:
ни сомнений ни в чём, ни пробелов —
все фамилии... звания... полк...

В списки павших
из списка пропавших
перепишут ещё четверых...
Подпиши же четыре бумажки,
военком,
известить же родных...

Военком,
трижды смертью щажённый,
трижды с жизнью прощавшийся сам,
возвращается думой тяжёлой
к матерям...

к матерям, к матерям...

Сколько лет забытья не находят!
Всё как в песне: стареют и ждут.
За околицу часто выходят
и в квартире пустой не уснут.
Как ей, матери, с верой расстаться:
ведь никто для сына не копал
ни отдельной могилы, ни братской,
мёртвых глаз ему не закрывал...
И не смог беспросветного спора
военком в это утро решить:
меж заботою — долг свой исполнить —
и тоскою — надежду убить...

Рис. Л. Коломейцевой

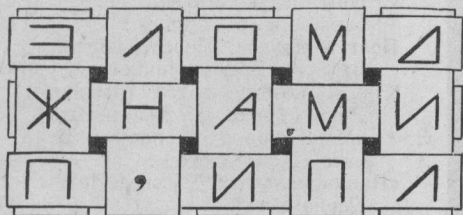

КОНКУРС «ДОРОГАМИ ПОБЕДЫ»

В этом номере завершается конкурс «Дорогами Победы». Между смекалистами, приславшими правильные ответы на опубликованные здесь задания, будет разыгран приз. Срок для ответов — до 1 августа.

ПЛЕТЁНКА

На трёх горизонтальных и пяти вертикальных (сверху вниз) полосках написана строка из популярной песни. Половина букв не видна. Восстановите текст. Из какой он песни? (5 очков)

КРИПТОГРАММА

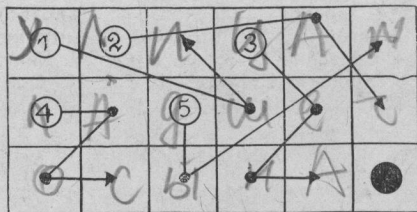
В клетки этого прямоугольника было вписано название книги о пионере-герое (есть и фильм с

таким же названием). Из всех 17 букв этого названия составлены пять новых слов. Каждое слово начинается в клетке с цифрой, заканчивается в клетке со стрелкой. Промежуточные буквы отмечены точками.

1. Орган слуха. 2. Морской прибор. 3. Стоимость товара. 4. Государство в Юго-Восточной Азии. 5. Роман И. С. Тургенева.

Как называется книга, о ком она и кто её автор? (4 очка)

ВОТ ТАКИЕ ИТОГИ!

Сотни смекалистых участвовали в конкурсах «Салют» и «Комсомолия», которые проводил в прошлом году Клуб смекалистых ребят. Смекалистые отлично справились с заданиями, так что определить победителей было нелегко.

В конкурсе «Салют» («Искорка» № 1—5) победили: Аппель Елена (4-г класс, 120-я школа), Ахламова Ирина (8-а, 5-я сосновоборская), Гарифулин Сергей (8-б, 14-я выборгская), Емельянов Аркадий (6-а, 279-я), Козлов Алексей (6-б, 22-я), Максимов Артём (5-б, 459-я), Минаева Таня (7-а, 2-я), Нератова Лиза (7-а, 83-я), Нефёдова Юлия (7-а, 117-я), Никитин Андрей (6-д, 8-я тихвинская), Никитина Катя (6-б, 156-я), Смирнова Юлия (5-б, 416-я), Шилов Сергей (5-а, 366-я), Шульман Борис (8-б, 50-я) и Щербатых Алексей (7-б, 22-я).

В конкурсе «Комсомолия» («Искорка»

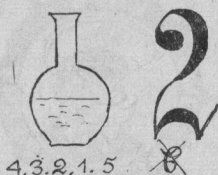
№ 6—12) победили: Барышникова Валерия (6-й класс, Никольская школа) и Чистяков Станислав (6-д, 347-я).

А вот 11 «наимудрейших», которые справились со всеми заданиями обоих конкурсов: Бородин Владик (5-в класс, 6-я школа), Гринина Катя (7-в, 535-я), Данилушкин Евгений (5-б, 153-я), Иванова Наташа (9-й, Дружнгорская), Керенков Олег (3-г, 394-я), Кириллов Илья (5-б, 121-я), Кудряшова Надежда (6-а, 149-я), Миргазов Женя (5-б, 49-я), Пилипенко Вика (5-а, 67-я), Смирнова Юлия (7-й, Дружнгорская) и Фёдоров Илья (2-а, 272-я).

Те, кто впервые участвовал в конкурсах, получают Диплом газеты «Ленинские искры» (потому что «Искорка» — литературное приложение к газете), остальные победители — книги.

МИКРОРЕБУС

Название какого многосерийного фильма скрыто в этом микроребусе? (2 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

[ответы к «Искорке» № 3]

СЛОЖЕНИЕ

Книга Л. Кассиля и М. Поляновского «Улица младшего сына» о пионере-герое Володе Дубинине.

МИКРОРЕБУС

«Сын полка» В. Катаева.

ДРОБИ

История

КУБИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

1. (влево) Телескоп. 1. (вправо) Тракторист. 2. Летопись. 3. Антракт. 4. Сказание. 5. Топка. 6. Ост. 7. Синг. 8. Миксер. 9. Клод. 10. Пи. 11. Ода. 12. Ель. 13. Игуанодонт.

ХОДОМ КОНЯ

«Добрые слова лучше мягкого пирога».

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 3, был разыгран приз. Он достался ученику 60-й школы Алексею Тимошкину.

Содержание

«Своею кроной выше звёзд...» Стихотворение Михаила Дудина	1
Весной сорок пятого. Рассказ Радия Погодина	2
Встреча друзей. Стихотворение Анатолия Чепурова	7
Победы звёздный час. Очерк О. Сердобольского	8
Рассказ об одной звезде Ольги Берггольц	12
Маленький отважный солдат. Рассказ Георгия Холопова	21
Пчёлы атакуют эскадрильями. Стихотворение Павла Булушева	26
Тагор. Рассказ Ивана Виноградова	28
Сатира на передовой. Стихи Е. Ефимовского	31
Обыкновенное дело. Рассказ Павла Лукницкого	35
Разговор с дочкой. Стихотворение Германа Гоппе	38
Струны твоей домбры. Стихотворение Ризы Халида	40
Поэт и палачи. Повесть-баллада Валерия Воскобойникова	41
Кто и почему хотел отменить День Победы. Заметки из «Международной почты» Бориса Никольского	44
«Папин мальчик». Рассказ Ирины Карнауховой	47
Два стихотворения Олега Цакуннова	51
Книголюбы. Рассказ Д. Аля	52
Жестокое эхо войны. Стихотворения Леонида Агеева	59
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок В. Топкова «Праздник Победы в Ленинграде».	
На 2-й странице обложки фотографии М. Редькина «Берлин. Май 1945 года».	
На 3-й странице обложки «В объёме Ленинград». Фото фотохроники ТАСС.	
На 4-й странице обложки рисунок Л. Уральской «Салют Победы»	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Сулов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55. Сдано в набор 25.03.85. Подписано к печати 21.05.85. М-17624. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 60 000. Заказ № 872. Цена 20 коп.

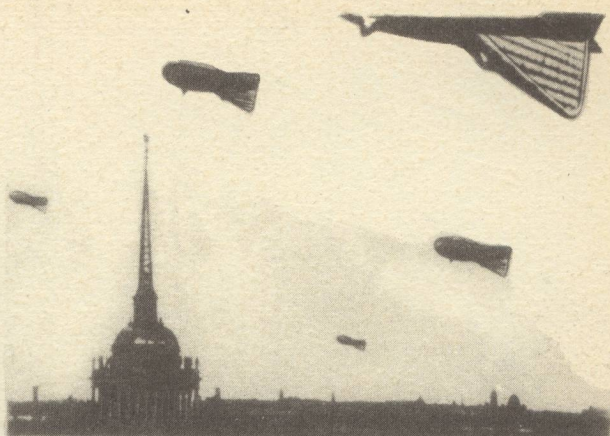
Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

в обороне ЛЕНИНГРАД

1942.

1941.

1942.

1943.

1945.

